

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

4/2021

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 7 от 03.12.2021 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 4/2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барбашова Н. В.</i> Особенности правотворчества в экологической сфере в Донецкой Народной Республике	3
<i>Дербишева О. А.</i> Проблемные аспекты упрощенной процедуры в судах Донецкой Народной Республики	11
<i>Дербишева О. А., Омельченко Н. А.</i> Завещание как основание возникновения наследственного правопреемства по законодательству Донецкой Народной Республики	18
<i>Ефремова А. В., Грязина Т. Ю.</i> Принципы правового регулирования трансплантологии в Донецкой Народной Республике	26
<i>Ефремова А. В., Дятлов В. К.</i> Источник повышенной опасности: деятельность субъектов права	31
<i>Ефремова А. В., Нецадимова С. А.</i> Проблемные аспекты организации и реализации положений законодательства в деятельности органов опеки и попечительства в Донецкой Народной Республике	37
<i>Ефремова А. В., Резник А. А.</i> Лица, утратившие право на наследование: сравнительно-правовой анализ положений гражданского права Донецкой Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики	46
<i>Карпенко Л. К., Бондарь Н. А.</i> Медико-правовая регламентация клонирования	52
<i>Карпенко Л. К., Нерובה Л. Р.</i> Форма вины при совершении насильственных действий сексуального характера: сравнительная характеристика законодательства Донецкой Народной Республики и стран англосаксонской правовой системы	60
<i>Ковалёв И. П.</i> Регулирование порядка защиты гражданских прав в Донецкой Народной Республике	66
<i>Ковалёв И. П.</i> Медиация в гражданском процессе Донецкой Народной Республики	76
<i>Манивлец Э. Е., Махортов С. П.</i> Проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации	85
<i>Семыкин Н. В., Шленкин А. А.</i> Проблемные вопросы в определении полномочий прокурора при осуществлении надзора за соблюдением законов при проведении предварительного расследования	92
<i>Семыкина Л. А., Бокоч К. Э.</i> Актуальные вопросы регламентации ответственности за изнасилование	100
<i>Тимошенко Н. А., Бибикина А. А.</i> Актуальные проблемы условий возникновения и деятельности организованных террористических объединений	108
Правила для авторов	116

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 4/2021

CONTENTS

<i>Barbashova N.</i> Features of law-making in the environmental sphere in the Donetsk People's Republic	3
<i>Derbisheva O.</i> Problem aspects of a simplified procedure in the courts of the Donetsk People's Republic	11
<i>Derbisheva O., Omelchenko N.</i> Testament as a basis for the establishment of hereditary succession under the legislation of the Donetsk People's Republic	18
<i>Efremova A., Gryazina T.</i> Principles of legal regulation of transplantology in the Donetsk People's Republic	26
<i>Efremova A., Dyatlov V.</i> Sources of increased danger as an activity of legal entities: a possibility of creating the list of objects	31
<i>Efremova A., Neschadimova S.</i> Problematic aspects of the organization and implementation of legislative provisions in the activities of guardianship and guardianship authorities in the Donetsk People's Republic	37
<i>Efremova A., Reznik Al.</i> Individuals who lost their right to inherit: comparative analysis of the civil law regulations in the Donetsk People's Republic, the Socialist Republic of Vietnam and the Chinese People's Republic	46
<i>Karpenko L., Bondar N.</i> Cloning: medical and legal aspects	52
<i>Karpenko L., Nerobova L.</i> The form of guilt when committing forced acts of a sexual nature: a comparative characteristic of the legislation of the Donetsk People's Republic and the countries of the anglosaxon legal system	60
<i>Kovalev I.</i> Regulation of the order of protection of civil rights in the Donetsk People's Republic	66
<i>Kovalev I.</i> Mediation in the civil process of the donetsk people's republic	76
<i>Manivlets E., Makhorov S.</i> Ways to solve the problems of countering crimes in the field of computer information	85
<i>Semykin N., Shlenkin A.</i> Problemic issues in determining the authority of the prosecutor in supervision of compliance with the law in the preliminary investigation	92
<i>Semykina L., Bokoch K.</i> Topical issues regulation of liability for rape	100
<i>Timoshenko N., Bibikova A.</i> Current problems of the conditions of establishment and activities of organized terrorist associations	108
Guidelines for authors	116

УДК 349.6

Барбашова Н. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье проводится сравнительный анализ нормативных актов, регулирующих экологические отношения в ДНР и Российской Федерации в контексте происходящего в Республике правотворческого процесса. Показано, что процесс адаптации экологического законодательства не учитывает существенные новации российского законодательства, его особенности, а также отдельные рекомендации, отраженные в международных документах.

Ключевые слова: экологическое право, правотворчество, экологическая безопасность, экологическая информация, экологическая экспертиза.

Становление Донецкой Народной Республики в качестве независимого государства с необходимостью требует создания собственной системы законодательства, соответствующего реалиям правового государства. Неотъемлемым элементом этой системы должны стать нормативные акты, регулирующие общественные отношения в области обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования и охраны окружающей среды. Своеобразие этой сферы регулирования в Республике продиктовано целым рядом объективных причин. Во-первых, в период нахождения территории Республики в составе Украины она представляла собой регион, насыщенный предприятиями угольной, металлургической и химической отраслей промышленности, являющихся наиболее интенсивными источниками загрязнения окружающей среды. Ситуация усугублялась еще тем обстоятельством, что финансирование природоохранных мероприятий на территории Донецкой области со стороны центральных властей осуществлялось по остаточному принципу. Во-вторых, длящаяся уже более 7 лет военная агрессия со стороны Украины в отношении Донецкой Народной Республики сопровождается разрушением инфраструктуры и систем жизнеобеспечения, что негативно влияет на качество окружающей среды. В-третьих, экономическая блокада Республики со стороны Украины привела к спаду промышленного и сельскохозяйственного производства, что не позволяет в достаточной мере

аккумулировать средства на устранение экологических угроз, в том числе, являющихся следствием предшествующей деятельности.

Провозглашенный в Донецкой Народной Республике курс на интеграцию с Российской Федерацией выдвигает в качестве одного из важнейших условий гармонизацию систем законодательства. Данная задача представляется достаточно сложной хотя бы в силу той причины, что Россия является федеративным государством, а ДНР – унитарным.

Системообразующими законами в экологической сфере обоих государств являются закон РФ «Об охране окружающей среды» [1] и одноименный закон ДНР. Адаптационный подход к процессу правотворчества при разработке закона ДНР «Об охране окружающей среды» [2] предполагал фактически идентичное содержание законов, что обусловлено общей политикой Республики по гармонизации правовых систем. Вместе с тем, такая постановка вопроса предполагает постоянное сканирование всех изменений в российском законе. Очевидно, что такой подход не только будет «парализовывать» творческий процесс законодателя в ДНР, но и негативно скажется в целом на стабильности норм закона.

В качестве примера можно привести принятые недавно изменения в закон РФ «Об охране окружающей среды», регулирующие порядок доступа, распространения и использования экологической информации. Выделяя в качестве одного из фундаментальных всеобъемлющих прав человека право на благоприятную окружающую среду, многие специалисты в области экологического права отмечают особую важность других конституционно закрепленных экологических прав человека и гражданина, к которым относится и право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды. Представляется очевидным, что практической реализации права на благоприятную среду предшествует получение экологической информации о состоянии окружающей среды, характере существующих и прогнозируемых экологических угроз и т.п.

Достаточно длительное время трудности в реализации права на доступ граждан и юридических лиц к экологической информации, провозглашенное в ст. 42 Конституции РФ, были связаны с тем, что законодательство РФ не устанавливало состав, а также правила размещения и обновления государственными и муниципальными органами экологической информации. Данное противоречие в значительной степени было устранено с принятием Федерального закона от 09.03.2021 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], внесшего изменения и дополнения в Закон об охране окружающей среды в части закрепления в

нем новых норм, регулирующих вопросы защиты права граждан на получение экологической информации.

Статья 1 закона РФ «Об охране окружающей среды» была дополнена определением информации о состоянии окружающей среды. Это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления об окружающей среде, в том числе о ретроспективном, текущем и прогнозируемом состоянии окружающей среды, ее загрязнении, происходящих в ней процессах и явлениях, а также о воздействии на окружающую среду осуществляемой и планируемой хозяйственной и иной деятельности, о проводимых и планируемых мероприятиях в области охраны окружающей среды.

Кроме того, данный Закон дополнен ст. 4.3, где раскрывается содержание понятия «экологическая информация», определяются ее виды и правила предоставления. Важно подчеркнуть, что согласно этой статье информация о состоянии окружающей среды является общедоступной информацией, к которой не может быть ограничен доступ, за исключением информации, отнесенной законодательством РФ к государственной тайне.

Указанный Закон обязывает федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, которые обладают информацией о состоянии окружающей среды (экологической информацией), или уполномоченные ими организации размещать на официальных сайтах в интернете или с помощью государственных и муниципальных информационных систем информацию о состоянии окружающей среды (экологическую информацию) в форме открытых данных. По своей сути принятие отмеченных выше дополнений и изменений является исполнением обязательств Российской Федерацией по имплементации положений Орхусской конвенции (1998 г.) [4].

В ДНР, в отличие от РФ, отсутствовали дискуссии по данной тематике, вследствие чего не выявлены особенности имплементации положений Орхусской конвенции в экологическое законодательство Республики. Важность присутствия в законе ДНР «Об охране окружающей среды» общепризнанных мировой общественностью норм, регулирующих вопросы доступа к экологической информации, участия общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, делает актуальным внесение соответствующих изменений, аналогично российским нормам.

Необходимо указать, что в контексте доминирующего в правотворчестве ДНР процесса максимальной «механической» адаптации с нормами российского законодательства отсутствует критический анализ указанных

норм, их теоретическое обоснование и учет особенностей правовой системы нашего государства.

В качестве примера обоснованности высказанного утверждения остановимся здесь на вопросе правового обеспечения экологической безопасности. В ст. 1 закона РФ «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность определяется как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Закон не содержит ни самостоятельного раздела, ни отдельной статьи, в которых указывались бы специальные или дополнительные требования в области обеспечения экологической безопасности по сравнению с требованиями в области охраны окружающей среды. По мнению автора, существующая неопределенность понятия «экологическая безопасность», смешение его с понятием «охрана окружающей среды» нуждаются в устранении.

Указанное в полной мере относится к закону ДНР «Об охране окружающей среды». Тем не менее, в вопросе правового обеспечения экологической безопасности в РФ и ДНР имеются принципиальные отличия. Российский законодатель «компенсировал» неурегулированность проблемы правового обеспечения экологической безопасности в системообразующем законе «Об охране окружающей среды» принятием специального документа – Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (2017 г.) [5]. Повышенное внимание к проблеме обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации отмечается в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в который впервые был включен раздел «Экологическая безопасность и рациональное природопользование» [6].

Российская Федерация рассматривает свою территорию, ее ландшафтное и биологическое разнообразие, уникальный эколого-ресурсный потенциал в качестве национального достояния, сохранение и защита которого необходимы для обеспечения жизни будущих поколений, гармоничного развития человека и реализации права граждан на благоприятную окружающую среду. Сохранение отвечающими экологическим стандартам качества атмосферного воздуха и воды, рекультивация нарушенных земель, экологическая реабилитация территорий и водных объектов, увеличение площади лесовосстановления, ликвидация накопленного вреда окружающей среде являются обязательными условиями для улучшения качества жизни в Российской Федерации. Целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются обеспечение качества окружающей среды,

необходимого для благоприятной жизни человека, сохранение и восстановление природной среды, сбалансированное природопользование, смягчение негативных последствий изменения климата.

Аналогичных по содержанию нормативных актов в ДНР нет, что в целом не позволяет эффективно использовать интеграционный потенциал в сфере правового регулирования экологических отношений. Решение проблемы видится в разработке специальных норм, регулирующих вопросы экологической безопасности, и включении их в соответствующие нормативные акты Республики.

В качестве другого примера, свидетельствующего, по мнению автора, о несбалансированности норм закона РФ «Об охране окружающей среды», можно привести Глава VII. «Требования в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности». Большинство статей указанной главы (ст. 34–ст. 56) носят общий декларативный характер и во многом дублируют друг друга: «...должны соблюдаться требования в области охраны окружающей среды». Статьи аналогичного характера содержатся и в одноименном законе ДНР. Обоснованной выглядит рекомендация по включению большинства указанных статей в специальные нормативные акты и ограничению общими указаниями, что представляется обоснованным для системообразующего закона, регулирующего сферу экологических отношений.

В контексте рассматриваемой в настоящей работе проблемы представляет интерес установить современную позицию законодателя ДНР на примере недавно принятой новой редакции закона ДНР «Об экологической экспертизе» [7]. Не претендуя на полный анализ указанного закона, выделим некоторые его особенности и сравним с аналогичным российским законом [8].

Закона ДНР «Об экологической экспертизе» в значительной части совпадает с российским законом, что видно на примере сопоставления статей 3 обоих законов, определяющих принципы проведения экологической экспертизы, тексты которых тождественны. Отличия в статьях наблюдается в наименовании государственных органов управления, перечне их полномочий, что представляется естественным, учитывая различия в государственном устройстве РФ и ДНР.

Вместе с тем, анализ новой редакции закона показывает, что разработчики закона ДНР «Об экологической экспертизе» не учли современные тенденции о повышении роли общественных организаций в осуществлении природоохранной деятельности. Это относится в первую очередь к содержанию статей 15-18 главы 4 «Общественная экологическая экспертиза. Права физических лиц и общественных организаций в сфере экологической экспертизы».

В частности, в ст. 17 прописано, что общественная экологическая экспертиза проводится *до получения заключения государственной экологической экспертизы*, а ее заключение носит *рекомендательный характер*. Общественные организации, осуществляющие общественную экологическую экспертизу имеют право участвовать только *в качестве наблюдателей* через своих представителей в заседаниях экспертных комиссий государственной экологической экспертизы (выделено Н.Б.).

Вместе с тем, разработанные существенно ранее аналогичные нормы российского закона в обсуждаемом контексте носят более «прогрессивный» характер. В частности, в п. 2 ст. 19 прописано, что при подготовке заключения государственной экологической экспертизы экспертной комиссией государственной экологической экспертизы и при принятии решения о реализации объекта государственной экологической экспертизы *должны рассматриваться материалы, направленные в экспертную комиссию государственной экологической экспертизы и отражающие общественное мнение* (выделено Н.Б.).

Согласно ст. 22 общественная экологическая экспертиза проводится *до проведения государственной экологической экспертизы или одновременно с ней*. Общественная экологическая экспертиза может проводиться *независимо от проведения государственной экологической экспертизы* тех же объектов экологической экспертизы. Общественные организации (объединения), осуществляющие общественную экологическую экспертизу в установленном настоящим Федеральным законом порядке, имеют право знакомиться с нормативно-технической документацией, устанавливающей требования к проведению государственной экологической экспертизы и участвовать в качестве наблюдателей через своих представителей в заседаниях экспертных комиссий государственной экологической экспертизы и *участвовать в проводимом ими обсуждении* заключений общественной экологической экспертизы (выделено Н.Б.).

Таким образом, круг полномочий общественных организаций при проведении экологической экспертизы устанавливаемых законом РФ «Об экологической экспертизе» существенно шире в сравнении с аналогичным законом ДНР. В данном случае автору видится предпочтительной содержание статей российского закона «Об экологической экспертизе», поскольку она более соответствует положениям Орхусской конвенции.

В Донецкой Народной Республике в сфере нормативного регулирования проблем доступа к экологической информации и обеспечению экологической безопасности уделяется недостаточное внимания. Курс на гармонизацию правовых систем РФ и ДНР требует постоянного внимания Комитета Народного Совета по природопользованию, экологии, недрам и природным ресурсам к новациям

российского законодателя в сфере обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования и охраны окружающей среды. Процесс правотворчества должен носить творческий характер, учитывающий не только состояние нормативной базы в Российской Федерации, но и существующие в мировом сообществе рекомендации по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, а также особенности правовой системы Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 14.01.2002. – № 2. – Ст. 133.
2. Об охране окружающей среды: Закон ДНР № 38-ИНС от 30.04.2015 (действ. ред. От 30.04.2021) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/> (дата обращения 22.10.2021). – Загл. }! экрана.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 15.03.2021. – № 11. – Ст. 1704.
4. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 22.10.2021). – Загл. }! экрана.
5. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. – 24.04.2017. – № 17. – Ст. 2546.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 / Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
7. Об экологической экспертизе: Закон ДНР № 312-ИНС от 06.08.2021 (действ. ред. по сост. на 17.08.2021) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-ekologicheskoy-ekspertize/> (дата обращения 22.10.2021). – Загл. }! экрана.
8. Об экологической экспертизе: Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 27.11.1995. – № 48. – Ст. 4556.

Поступила в редакцию 24.10.2021 г.

FEATURES OF LAW-MAKING IN THE ENVIRONMENTAL SPHERE IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article provides a comparative analysis of the normative acts regulating environmental relations in the DPR and the Russian Federation in the context of the lawmaking process taking place in the Republic. It is shown that the process of adaptation of environmental

legislation does not take into account significant innovations of Russian legislation, its features, as well as individual recommendations reflected in international documents.

Keywords: environmental law, lawmaking, environmental safety, environmental information, environmental expertise.

Барбашова Наталья Владимировна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: n.barbashova@mail.ru

Barbashova Natalya

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
at the Department of Financial and
Administrative Law of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: n.barbashova@mail.ru

УДК 347.983

Дербишева О. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УПРОЩЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ В СУДАХ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассмотрены подходы различных ученых к определению категории «упрощенное судопроизводство»; определены критерии, позволяющие рассматривать дело в порядке упрощенного судопроизводства в гражданском и процессе; определены общие проблемы, возникающие при применении процедуры упрощенного производства.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, судопроизводство, упрощенное производство, проблемы применения упрощенного производства.

В рамках настоящего исследования проведен анализ теоретических основ процедуры упрощенного производства в судах Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), а также были выявлены общие проблемы, возникающие в процессе упрощенного судопроизводства.

В процессе развития государства и права Донецкой Народной Республики вопрос усиления эффективности производства в судах Донецкой Народной Республики требует особого внимания как с теоретической точки зрения, так и с практической. При этом краеугольным камнем любых изменений в указанном направлении остается необходимость обеспечения и реализации при этом фундаментальных принципов судопроизводства, предполагающих всестороннее рассмотрение дела в целях обеспечения каждому участнику процесса минимальных гарантий реализации права на справедливое судебное разбирательство, которые являются основой обеспечения прав гражданина в судебном производстве.

На сегодняшний день институт упрощенного судопроизводства в ДНР не имеет обширной практики его применения, что вызывает неоднозначность его понимания. Кроме того, немаловажным является факт, что правовая система ДНР в настоящее время всё еще находится на стадии формирования, поскольку наблюдаются некоторые пробелы в законодательстве, устанавливающем основы судебного процесса. В связи с чем, исследование отдельных вопросов процедуры рассмотрения дел в судах ДНР, одним из которых является порядок упрощенной процедуры, а также выявление проблемных аспектов обуславливают актуальность настоящего исследования.

© Дербишева О. А., 2021

Некоторые аспекты проблематики статьи рассматривались российскими и зарубежными учеными, такими как: Ю. Ю. Грибанов, Н. А. Громошина, Е. В. Тихонова, Е. А. Гринь, П. И. Калинина, А. А. Сидельникова, Я. С. Едакова, Н. Д. Пальцева. Однако реалии правовой жизни ДНР, которая проходит сложный путь формирования собственной системы права и законодательства, обуславливают необходимость проведения научных исследований законодательства Республики в качестве его самостоятельного предмета.

Рассмотреть критерии, определяющие возможность рассмотрения дела в порядке упрощенного судопроизводства; определить общие проблемы, возникающие при производстве по делам в упрощенном порядке, предложение внесения изменений по проблематике исследуемой цели.

Современный дискурс в исследованиях проблематики, связанной с внедрением упрощенного порядка судопроизводства обусловлен необходимостью создания эффективных способов разрешения правовых коллизий и поиска новейших усовершенствованных форм, которые облегчат и упростят порядок осуществления судопроизводства, ускорят его ход, не ущемляя при этом прав и свобод человека и гражданина, являющихся основными первопричинами любого социального процесса [4, с. 75].

Исследование показывает, что введение упрощенного порядка судопроизводства в последние годы наблюдается во многих государствах. К примеру, в Российской Федерации порядок осуществления упрощенного судопроизводства был введен в 2012 г., Азербайджан и Белоруссия тоже примерно в этот временной промежуток ввели упрощенный порядок. Данный факт свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема находится в поле зрения не только Донецкой Народной Республики, но и в том числе и Российской Федерации, которая на сегодняшний день выступает ориентиром государственно-правового развития нашего государства.

Некоторые ученые отмечают, что поскольку институт упрощенного судопроизводства является относительно новым, с целью унификации и совершенствования его порядка функционирования необходимо создание международного нормативно-правового акта, устанавливающего универсальные основы упрощенного производства, с учетом соблюдения прав человека. Поскольку права человека – основа демократического государства [4, с. 80].

Закладывая общие начала судопроизводства, законодатель в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, принятого постановлением Народного Совета 30 апреля 2021 года (далее – ГПК ДНР) [3], закрепил, что «Задачами гражданского судопроизводства

являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, прав и интересов Донецкой Народной Республики, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений». Констатируя отсутствие такого документа, ученые отмечают необходимость углубленного теоретического рассмотрения данной проблемы.

Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики, принятый постановлением Народного Совета 30 апреля 2021 года (далее – АПК ДНР) [2], содержит положения об упрощенном судопроизводстве в главе 32.

Изучение нормативных источников, устанавливающих порядок упрощенного производства показало, что неотъемлемой чертой рассматриваемого института является определение категории дела, исходя из установленных в действующем законодательстве рамках. Данное утверждение подтверждается и нормами законодательства ДНР.

Кратко характеризуя категории дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе, следует заметить, что при формировании норм АПК ДНР законодатель закрепил два вида таких обстоятельств. Так, в первом случае, согласно ч. 1 ст. 255 АПК ДНР, категории дел, подлежащие рассмотрению в упрощенном порядке, определены в зависимости от цены иска, в то же время, в ч. 2 указанной статьи содержится перечень дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного судопроизводства вне зависимости от цены иска. Согласно ст. 30 АПК «Арбитражный суд рассматривает в порядке особого производства дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения и прекращения прав юридических лиц, физических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» – рассмотрение дела в порядке особого производства. Как видим, действительно спор о праве отсутствует, нам нужно всего лишь установить факт (глава 27 АПК ДНР).

Статья 4 АПК ДНР «обращение в арбитражный суд осуществляется в форме: 1) искового заявления – по экономическим спорам и иным делам, возникающим из гражданских правоотношений». Однако, в порядке упрощенного производства, которое является темой исследования, согласно ст. 256 исковое заявление, заявление по делу, указанному в части 1 или 2 статьи 255 настоящего Кодекса, и прилагаемые к такому заявлению документы могут быть представлены в арбитражный суд на бумажном носителе либо в электронном виде. Из чего вывод, если исковое заявление – спор о праве все-таки имеет место быть.

Согласно норм законодательства ДНР дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом по общим правилам производства, однако с учетом особенностей, предусмотренных действующим законодательством. Кроме того, согласно действующему законодательству участники арбитражного судопроизводства могут осуществлять обмен электронными доказательствами и другими значимыми документами с помощью информационной сети «интернет». Все принятые по рассматриваемому делу решения арбитражный суд публикует на официальном сайте, и стороны самостоятельно отслеживают актуальную информацию [11, с. 81].

Одной из характерных черт рассмотрения дела посредством упрощенного производства также выступает возможность примирения сторон. Так, после принятия заявления и вынесения соответствующего определения арбитражный суд может предложить участвующим в деле сторонам процесса урегулировать спор самостоятельно, применив процедуру примирения [6, с. 99]. В подтверждение указанному следует обратиться к судебной практике Российской Федерации.

Итак, практика показывает, что сама процедура упрощенного производства позволяет значительно уменьшить нагрузку на судебные органы. Следует также отметить, что применение процедуры мирового соглашения автоматически влечет прекращение спора, возникшего между истцом и ответчиком [5, с. 22].

Таким образом, упрощенный порядок судопроизводства на первый взгляд является отличным решением для урегулирования некоторых категорий дел. Однако следует обратить внимание на проблемные вопросы, возникающие при судопроизводстве с применением упрощенного порядка.

Одним из таких вопросов является распространенная практика перехода от упрощенного порядка к общему. Согласно ч. 5 ст. 255 АПК ДНР «Суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам административного судопроизводства, если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства удовлетворено ходатайство третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, о вступлении в дело, принят встречный иск, который не может быть рассмотрен по правилам, установленным настоящей главой, либо если суд, в том числе по ходатайству одной из сторон, пришел к выводу о том, что:

- 1) порядок упрощенного производства может привести к разглашению государственной тайны;

- 2) необходимо выяснить дополнительные обстоятельства или исследовать дополнительные доказательства, а также провести осмотр и

исследование доказательств по месту их нахождения, назначить экспертизу или заслушать свидетельские показания;

3) заявленное требование связано с иными требованиями, в том числе к другим лицам, или судебным решениям, принятым по данному делу, могут быть нарушены права и законные интересы других лиц» [2].

На практике также иногда существует проблема, связанная с определением критериев разграничения дел, которые могут быть рассмотрены в порядке упрощенного судопроизводства и дел, которые не предполагают такого рассмотрения.

Следующим проблемным вопросом в области упрощенного производства является допустимость рассмотрения спора без участия сторон. В гражданском законодательстве содержатся нормы, согласно которым суд может рассматривать дело в порядке упрощенного производства без вызова сторон после истечения сроков, установленных судом в соответствии с нормами ГПК ДНР. Подобный порядок рассмотрения дела присущ для приказного производства, однако в литературе наблюдаются споры по вопросу его применения в порядке упрощенного судопроизводства.

Если у каждой стороны есть такие процессуальные права, то, по мнению исследователей, юридически неправильно допускать возможность проведения судебного разбирательства без участия одной из или обеих сторон [7].

Однако немаловажным является факт, что отмена права проведения судебного заседания без участия сторон напрямую предопределяет сокращение административных процедур и бюрократических издержек, что соответствует цели рассмотрения дела в порядке упрощенного судопроизводства [8].

Одним из проблемных вопросов являются те сроки, установленные для отправления возражения (отзыва) на заявление, а также на отправку сторонами доказательств друг другу и суду. В некоторых случаях могут наблюдаться недостатки в работе различных средств связи. Особенно это касается почтовых услуг, где сроки доставки писем разнятся в зависимости от удаленности и загруженности почтовых отделений, что, несомненно, может препятствовать реализации одной из главных целей упрощенного судопроизводства – сокращение продолжительности рассмотрения дела [1, с. 22].

Таким образом, в рамках данной работы были идентифицированы основные научные и практические проблемные вопросы, которые возникают при применении процедуры упрощенного производства. Проведенный анализ показал, что законодательного урегулирования требуют некоторые вопросы. Так, следует урегулировать вопрос, связанный с течением процессуальных сроков при изменении порядка судопроизводства с

упрощенного на общий. В данном случае предлагается не начинать рассмотрения дела с начала, а продолжить течение процессуальных сроков и, соответственно, продолжить рассмотрение дела. С целью совершенствования действующего законодательства следует также расширить критерии, позволяющие рассматривать дела в порядке упрощенного производства, либо оставить данный вопрос на усмотрение суда с установлением определённых рамок. Необходимым также представляется усиление надзора за соблюдением прав участников процесса, ведь рассмотрение дела без участия сторон часто может вызывать нарушения процессуальных прав. Предлагается также внесение изменения в законодательство, расширив перечень способов уведомления участников процесса о начале разбирательства.

Список источников

1. Kramer, X. Austerity in civil Procedure and the Role of Simplified Procedures / X. Kramer, Sh. Kakiuchi // *Erasmus Law Review*. – 2015. – № 4. – P. 139–146.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-ПНС от 30.04.2021 (действ. ред. по сост. на 01.07.2021) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 06.10.2021). – Загл. с экрана.
3. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-ПНС от 30.04.2021 (действ. ред. по сост. на 01.07.2021) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 06.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Грибанов, Ю. Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс / Ю. Ю. Грибанов. – Кемерово, 2007. – 235 с.
5. Гринь, Е. А. Проблемы заключения и реализации третейских соглашений / Е. А. Гринь, П. И. Калинина // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 9(177). – С. 148–151.
6. Громошина, Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: монография / Н. А. Громошина. – М.: Проспект, 2010. – 264 с.
7. Едакова, Я. С. Актуальные проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе / Я. С. Едакова // *Молодой ученый*. – 2017. – № 49(183). – С. 247–250.
8. Пальцева, Н. Д. Актуальные проблемы упрощенного производства в административном и арбитражном процессе / Сб. трудов межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства» (Краснодар, 18 апреля 2019 г.); под ред. С. В. Потапенко. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 512–515.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 апреля 2020 г. № Ф07-5203/20 по делу № А42-10522/2019 / Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: l21.bar/rZZ4Y (дата обращения: 09.10.2021). – Загл. с экрана.

10. Тихонова, Е. В. Арбитражный процесс и третейское разбирательство: Курс лекций / Е. В. Тихонова. – Тамбов: Издательство Р. В. Першина, 2011.

Поступила в редакцию 08.11.2021 г.

PROBLEM ASPECTS OF A SIMPLIFIED PROCEDURE IN THE COURTS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article examines the approaches of various scientists to the definition of the category of «simplified legal proceedings»; defines the criteria for considering a case in a simplified procedure in civil proceedings; identifies common problems that arise when applying the simplified procedure.

Keywords: arbitration process, civil procedure, court proceedings, simplified proceedings, problems of application of simplified proceedings.

Дербишева Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних
дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga
Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Donetsk
People's Republic
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 347.4

Дербишева О. А.
Омельченко Н. А.

ЗАВЕЩАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье осуществлён анализ наследственного правопреемства в гражданском праве Донецкой Народной Республики, выделены проблемы правовой регламентации, предложены изменения в законодательство, констатирована необходимость проведения дальнейших научных исследований в рассматриваемом направлении.

Ключевые слова: наследственное право, наследственное преемство, гражданское право, наследодатель, наследник.

Принятие нового Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) [2], регламентирующего наследственные правоотношения, в частности, порядок наследственного правопреемства обусловило необходимость анализа правовых норм, обнаружения проблем и поиска способов их решения.

За последние несколько лет вопросу развития наследственного преемства в гражданском праве посвящён ряд научных статей. Проблемы наследственного правопреемства и очередности наследования исследовались В. А. Сатюковой [8, с. 447]. В работе автор анализировала теоретические и практические вопросы, связанные с определением круга лиц, которые могут призываться к наследованию по закону, рассматривалась целесообразность включения в этот круг родственников наследодателя шестой степени родства. Кроме этого, стоит выделить научный труд О. В. Костиной и А. А. Костина [4, с. 317], в котором учёные провели комплексный анализ отдельных положений Гражданского кодекса Российской Федерации, а также правоприменительной практики в исследуемом направлении, с обоснованием конкретизации норм гражданского законодательства в реализации наследственного правопреемства.

Формулирование цели и постановка задач заключается в осуществлении анализа научных позиций, а также действующего законодательства Донецкой Народной Республики относительно развития правопреемства в

© Дербишева О. А., Омельченко Н. А., 2021

наследственных правоотношениях, поиска проблем и возможных путей их решения.

Наследственные правоотношения являются одними из наиболее давних и релевантных в обществе. Принцип верховенства права и закона в современных общественных отношениях обуславливает необходимость выработки эффективной правовой регламентации, которая нужна как для обеспечения законного перехода имущества от наследодателя к наследникам, так и исключения возможных нарушений прав участников наследственных правоотношений.

Исследователи, рассматривая процесс развития правопреемства в наследственном праве уделяют внимание данному вопросу с точки зрения законодательства Российской Федерации, в то время как правовая регламентация наследования с позиции правового поля Донецкой Народной Республики остаётся недостаточно исследованной в современной научной литературе.

Начать предлагается с интерпретации термина «преемство». Словарное толкование указывает на то, что под данным термином понимается «получение, приобретение прав по наследству, посредством передачи от одного к другому» [9, с. 201]. В науке гражданского права относительно термина «наследственное преемство» существует ряд авторских позиций. Однако, необходимо заметить, учёные склонны применять формулировку «наследственное правопреемство», поскольку рассматриваемый процесс подразумевает передачу, прежде всего, прав.

Так, например, в одной из статей О. В. Шведковой исследователь пишет, что под наследственным правопреемством следует понимать: «переход прав и обязанностей умершего лица к другим лицам в порядке универсального правопреемства или в порядке сингулярного правопреемства с сохранением признака универсальности» [10, с. 69]. В свою очередь, в научной статье Н. С. Бессараб приводится несколько иная интерпретация. Учёный понимает наследственное правопреемство как: «...правовую категорию, посредством которой осуществляется переход права от одного лица к другому на открывшееся наследство. Основанием возникновения наследственного правопреемства следует признать закон или согласие наследника» [1, с. 39].

В наследственных правоотношениях категория наследства является ключевой для всего наследственного права, что не только не вызывает сомнений, но и утверждается многими исследователями. Существование объектов, по которым допускается правопреемство представляет динамику наследственных правоотношений. Именно в рамках наследственных правоотношений происходит переход надлежащих ранее наследодателю субъективных прав и обязанностей к его наследникам, что признано в юридической литературе традиционным.

Так, Д. В. Носов отмечает, что объектом наследственного преемства является наследство, то есть имущество, переходящее в порядке наследования. Автор сводит понятие наследства к наследственному имуществу, однако в дальнейшем он отмечает, что наследство состоит из совокупности прав и обязанностей умершего гражданина, принадлежащие ему на момент смерти и, в соответствии с действующим законодательством, может переходить в порядке наследования к другому лицу [5, с. 88].

Обобщая вышеизложенные позиции можно выделить ключевые признаки наследования:

- наличие воли наследодателя относительно распоряжения имуществом, находящемся в его владении, определении круга наследников, которым по воле наследодателя перейдёт это имущество после смерти;
- наличие имущества, определяемого под категорию наследства, что является предметом наследственных правоотношений;
- воля наследников в принятии имущества наследодателя.

Ранее отмечалось, что наследственное правопреемство дифференцируется на сингулярное и универсальное. Детализируя научные позиции относительно данных терминов следует отметить научный труд Д. В. Носова, который даёт следующие определения универсального и сингулярного правопреемства: «...сингулярное правопреемство – это правопреемство в одном или нескольких (но не во всех) правоотношениях, в которых участвует конкретный субъект..., а универсальное – замена субъекта во всех правоотношениях, в которых он участвовал» [5, с. 95].

По мнению В. В. Долинской различие между сингулярным и универсальным преемством не количественное, а качественное, потому что в первом случае новый субъект, преемник, занимает место только активного субъекта, тогда как во втором он входит в положение и пассивного субъекта, которое занимал его предшественник [3, с. 72].

Продолжая исследование целесообразно обратиться к правовой регламентации наследственного преемства в Донецкой Народной Республике. Основным нормативным актом, регулирующим наследственные правоотношения, является ГК ДНР, согласно которому существует два вида наследования: наследование по завещанию и наследование по закону. Прежде всего необходимо определить субъектный состав лиц, имеющих право на наследование.

Согласно процедуре наследования по завещанию наследственное преемство определяется завещанием, в котором поименованы лица, которым по воле наследодателя должно перейти в собственность определённое имущество. Если завещание отсутствует, либо оно признано недействительным в установленном порядке, или имеет место непринятие наследства, а также в случае не охваченности завещанием всего наследства,

право на наследование по закону получают лица, определенные в статьях 1272-1275 ГК ДНР.

Наследниками могут быть физические и юридические лица, а также юридические лица и другие участники гражданских отношений, в частности, государство, в случае отсутствия наследников. Особенностью наследования физическими лицами является то, что последние имеют право наследовать как по завещанию, так и по закону. Физическое лицо должно быть живым на момент открытия наследства, что является определяющим условием для процедуры наследования.

На первое место, среди видов наследования, поставлено наследование по завещанию. Наследование осуществляется по завещанию, если лицо составило завещание, таким образом распорядившись своей собственностью на случай смерти, и не отменило его. Право наследования имеет физическое лицо с полной гражданской дееспособностью, осуществляется только лично, совершение завещания через представителя не допускается. Завещатель имеет право на назначение наследников, на определение объема наследства (которое должно наследоваться по завещанию), право завещателя на завещательный отказ, право завещателя на возложение на наследника других обязанностей, право заключать завещание с условием, установление сервитута в завещании, а также право завещателя на отмену и изменение завещания.

При исследовании содержания статьи 1241 ГК ДНР следует обратить внимание на определенные ее особенности. Так, законодатель исходит из того, что наследство составляют вещи, имущество, в том числе права и обязанности. К наследникам переходит не только право собственности, а достаточно широкий спектр субъективных прав, носителем которых при жизни был наследодатель.

Следует отметить, что в анализируемой ст. 1241 ГК ДНР не перечислены права и обязанности, которые включаются в состав наследства, что следует признать определенным упущением законодателя. Для того чтобы обеспечить формирование надлежащей нотариальной и судебной практики, необходимо перечислить в ст. 1241 ГК ДНР наиболее важные, практически значимые права и обязанности, которые включаются в состав наследства. Между тем, содержащиеся в гл. 67 ГК ДНР гражданско-правовые нормы, в частности ст. ст. 1306-1315 ГК ДНР, определяют особенности наследования отдельных объектов. Статьями 1306-1315 ГК ДНР не охватываются другие важные и сложные в плане обеспечения наследственного правопреемства объекты (например, ценные бумаги), поэтому законодательство в этом направлении должно получить определенное развитие.

Рассматривая наследственное правопреемство, следует обратить внимание на гарантированность права на наследство. Обеспечение

наследством родственников наследодателя напрямую зависит от того, какой принцип превалирует в законодательстве (принцип свободы завещания или охраны интересов семьи). С учетом предписаний ГК ДНР, следует отметить такие тенденции развития гарантий прав как: предоставление судам возможности уменьшить размер обязательной доли (ст. 1279 ГК ДНР); ведение института секретного завещания (ст. 1255 ГК ДНР). Это позволяет сделать вывод о том, что интересы завещателя преобладают над интересами членов его семьи.

Относительно проблем правовой регламентации наследственного преемства учёные отмечают, что к настоящему времени остается нерешенной проблема граждан, находящихся в сожительстве в незарегистрированном браке и фактически ведущих совместное хозяйство, поскольку по мнению учёных, постепенное вытеснение официальных браков фактическим сожительством становится общей тенденцией [7, с. 60].

Исследуя данный вопрос следует обратить внимание на судебную практику Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики. В своём Постановлении № 4 от 19 мая 2017 года, а именно в п. 19, Пленум Верховного Суда Донецкой Народной Республики указал, что: «проживание одной семьёй женщины и мужчины без регистрации брака не является основанием для возникновения у них права на наследование по закону в качестве наследников первой очереди» [6].

Анализируя вышеизложенное, следует сформулировать авторское предположение о том, что таким образом, возникшая правовая ситуация создает дискриминационный элемент в отношении указанной выше категории граждан. В сложившейся правовой ситуации ведение совместного хозяйства и фактические брачные отношения наследодателя не учитываются законодателем в качестве правообразующего факта. Решением данной проблемы видится внесение соответствующих изменений в семейное законодательство, а именно устранение пробелов регламентации сожительства в незарегистрированном браке относительно вопросов наследования.

В целом, следует акцентировать внимание, что несмотря на вступление в силу ГК ДНР, указанное постановление Пленума является действующим, что видится не совсем правильным, поскольку его содержание апеллирует нормами гражданского законодательства переходного периода, в то время как интерпретация правовых норм должна осуществляться по нормам действующего законодательства.

Учёные отмечают, что такая форма существования, как «гражданский брак», получила сегодня очень широкое распространение. В этой связи представляется необходимым рассмотреть аспект законодательного регулирования фактических брачных отношений в Донецкой Народной

Республике. Фактические брачные отношения зачастую носят длящийся характер и приводят к формированию имущественной массы, судьбу которой нужно определить в случае смерти [5, с. 66].

Что же касается Донецкой Народной Республики, здесь также существует ряд проблем, вытекающих из нахождения лиц в фактических брачных отношениях.

Проживание одной семьей женщины и мужчины без брака не является основанием для возникновения у них прав и обязанностей супругов. Согласно законодательству Донецкой Народной Республики, гражданская жена является наследницей только в случае, если супруг написал завещание в ее пользу. Если такого документа нет, женщина имеет право на получение наследства в четвертой очереди (то есть при отсутствии близких и дальних родственников мужчины), при условии подтверждения факта совместного проживания и ведения хозяйства. Сделать это можно путем подачи заявления в суд в порядке отдельного производства, или собрав массу доказательств о прописке. При этом до дня смерти гражданские супруги должны прожить вместе минимум пять лет. Дети имеют право на наследство в порядке первой очереди – даже если родились в гражданском браке.

Представляется целесообразным законодательное закрепление правовой нормы о том, что в случае смерти одного из супругов, находящихся в гражданском браке, другой супруг имеет право претендовать на наследство их совместно нажитого имущества в первой очереди наследников, если они состояли в гражданском браке не менее 10 лет и имеют хотя бы одного общего ребенка. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что некоторые вопросы фактических брачных отношений в контексте наследственных правоотношений объективно нуждаются в правовом регулировании, в результате чего это упорядочит имущественные отношения фактических супругов.

Проведённое исследование позволило определить, что в гражданском праве Донецкой Народной Республики, в части регламентации наследственного преемства остаются нерешёнными ряд проблем, а именно приобретение прав на наследство сожительствующими лицами, находящимися в незарегистрированном браке. В целях устранения неточностей, противоречий, становления единства правовых принципов, заложенных в основу регулирования гражданско-правовых отношений, корректного использования нормативно закреплённых понятий в ГК ДНР следует внести соответствующие изменения в ГК ДНР, позволяющие лицам, находящимся в незарегистрированном браке, однако совместное проживание которых может быть подтверждено. Кроме этого, для формирования надлежащей нотариальной и судебной практики, необходимо перечислить в ст. 1241 ГК ДНР наиболее важные, практически значимые права и

обязанности, которые включаются в состав наследства, поскольку в настоящее время такого перечня нет. В то же время необходимо отметить, что проведённое исследование является попыткой анализа и обобщения существующих проблем наследственного преемства. Принимая во внимание междисциплинарную природу рассматриваемых правоотношений целесообразно констатировать необходимость проведения дальнейших научных исследований в рассматриваемом направлении, которые бы исследовали особенности наследственного преемства с позиции семейного права Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Бессараб, Н. С. Наследственное правопреемство: Актуальные вопросы / Н. С. Бессараб / Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 1-2. – С. 38–47.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.
3. Долинская, В. В. Гражданское право. Основные положения: учебное пособие для бакалавров / В. В. Долинская. Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2016. – 112 с.
4. Костина, О. В. Конкретизация норм гражданского и налогового законодательства в реализации наследственного правопреемства / О. В. Костина, А. А. Костин / В. кн.: Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: колл. монография. В 4-х томах / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. – Том. 1. – М.: «Проспект, 2020. – 728 с.
5. Носов, Д. В. Правопреемство в российском праве: монография / Д. В. Носов. – Пермь, 2013. – 198 с.
6. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 4 от 19 мая 2017 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/pplenium/o-sudebnoy-praktike-po-delam-o-nasledovanii> (дата обращения: 23.04.2021). – Загл. с экрана.
7. Орловская, А. В. Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств / А. В. Орловская // Право и современные государства. – 2012. – № 6. – С. 60–68.
8. Сатюкова, В. А. Проблемы наследственного правопреемства и очередности наследования / В. А. Сатюкова // Скиф. – 2020. – № 4(44). – С. 447–450.
9. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской книги, 2008. – 959 с.
10. Шведкова, О. В. Понятие наследственного правопреемства / О. В. Шведкова // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 68–72.

Поступила в редакцию 16.07.2021 г.

TESTAMENT AS A BASIS FOR THE ESTABLISHMENT OF HEREDITARY SUCCESSION UNDER THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article analyzes the hereditary succession in civil law of the Donetsk People's Republic, highlights the problems of legal regulation, suggests changes to legislation, states the need for further research in this direction.

Keywords: inheritance law, inheritance, civil law, testator, heir.

Дербишева Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних
дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga

Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Donetsk
People's Republic
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Омельченко Наталья Анатольевна

студент ГОО ВПО «Донецкая академия
внутренних дел Министерства внутренних
дел Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: omelchenkonata1@mail.ru

Omelchenko Natalya

Law Student of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Donetsk
People's Republic
DPR, Donetsk
E-mail: omelchenkonata1@mail.ru

УДК 347

Ефремова А. В.
Грязина Т. Ю.

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье проведен анализ принципов правового регулирования трансплантологии – и общих (присущих всей медицинской деятельности), и специфических (присущих исключительно области трансплантологии). В рамках исследуемой проблемы выявлена необходимость совершенствования законодательства Донецкой Народной Республики путем закрепления принципов правового регулирования трансплантологии как основополагающих идей всего института.

Ключевые слова: трансплантология, трансплантация, принципы, правовое регулирование, донор, реципиент.

Современная медицина и ее заслуги позволяют сохранить жизнь или ее улучшить в тех случаях, когда раньше заболевание считалось неизлечимым. Одной из наиболее действенных методик для сохранения жизни признается трансплантация (пересадка). Трансплантация применяется тогда, когда применение других методов лечения не дало необходимых результатов или такое применение невозможно.

Для современной науки институт трансплантации является многосторонним и комплексным. Нельзя сказать, что трансплантология это сугубо медицинский институт – его изучают специалисты разных отраслей, в том числе и юристы.

Под трансплантологией понимают раздел медицины, изучающий трансплантацию органов (в частности, почек, печени, сердца), а также перспективы создания искусственных органов. Однако развитие медицины посредством пересадки органов и тканей породило множество проблем, связанных с правовым регулированием трансплантации. Решение этих проблем является основополагающей целью для обеспечения защиты конституционных прав человека на жизнь и здоровье, а также личную неприкосновенность. На данном этапе законодательного строительства базиса для регулирования трансплантологии, очевидно, что медицинские достижения идут впереди нормативной регуляции. Перед нами, исследователями, стоит особая задача – помочь законодателю выявить актуальные проблемы и

пробелы в нормативной базе и решить их посредством внесения изменений или закрепления новых юридических норм.

Исследование любого института права предполагает первоначально определение принципов – основополагающих идей, которые выражают его сущность. Принципы лежат в основе всех правовых норм. Они могут быть как закреплены в нормативных правовых актах, так и логически выходить из совокупности норм права. Так как законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) находится на этапе своего становления и развития, а в области трансплантологии и вовсе только на этапе зарождения, то представляется актуальным осветить основополагающие идеи, которые лягут в основу всего последующего правового развития этого института.

Целью работы является рассмотрение принципов правового регулирования трансплантологии и выявление необходимости их закрепления в действующем законодательстве ДНР.

Принципы, будучи основой создания и реализации действующего права, ориентированы на дальнейшую демократизацию всех сфер жизни общества и формирование правового государства.

Правовое регулирование трансплантации строится на определенных принципах. Принципами права на трансплантацию считают основные положения нормативных правовых актов, регулирующих пересадку органов и тканей. А вот принципами именно правового регулирования являются идеи, которые могут быть взяты за основы построения новых норм права.

Говоря о принципах правового регулирования в трансплантологии нужно брать во внимание, как общие медицинские принципы, так и специальные, относящиеся исключительно к области трансплантации органов и (или) тканей человека.

К группе общих принципов относят: 1. Принцип уважения и соблюдения прав пациента. 2. Принцип допустимого вреда. 3. Принцип коллегиальности.

Первый принцип – базисная установка, так как он строится на главных правах пациента, таких как право на жизнь, право на получение квалифицированной медицинской помощи, право на достойное отношение со стороны медицинского персонала. Также сюда можно отнести право на получение полной, достоверной и компетентной информации по вопросам своего заболевания, сохранение в тайне персональных данных донора или реципиента и т.д.

Рассматривая право на жизнь, можно сделать вывод, что оно является первостепенным и неотчуждаемым для человека. Конституция ДНР в ч. 1 ст. 14 закрепляет положение: «Каждый имеет право на жизнь» [1].

Данное нам право отражено в Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – Международный пакт), которое звучит как:

«право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [2].

Конституция ДНР и Международный пакт закрепляют определенную цель: запретить произвольное лишение жизни любого человека, к какой бы нации, расе, этнической группе он ни относился, к какому бы полу ни принадлежал, вне зависимости от каких бы то ни было признаков, качеств, свойств, поступков человека. Право на жизнь в равной степени принадлежит и младенцу, и старику, и здоровому человеку, и тяжело больному, и правопослушному гражданину, и преступнику [3, с. 187]/

Из вышесказанного следует вывод, что любая жизнь важна и охраняется законом. В рамках трансплантологии право на жизнь дает нуждающемуся в пересадке органов и (или) тканей право на проведение такого медицинского вмешательства для сохранения самого ценного, что есть у человека. В отношении донора должны быть предприняты все меры для сохранения жизни человека при изъятии органов и (или) тканей, а также в отношении потенциального донора, находящегося на грани смерти, никто не имеет права лишить его жизни или же перестать оказывать медицинскую помощь. По всем международным нормам все люди равны, никто не может решить, что жизнь реципиента важнее жизни потенциального донора.

Принцип допустимого вреда в трансплантологии заменяет классический медицинский принцип «не навреди», так как пересадка органов и (или) тканей идет рука об руку с рисками и негативными последствиями.

В ходе анализа принципа допустимого вреда выделяется два аспекта: а) соблюдение приоритета интересов донора; б) определение критериев допустимости трансплантации в отношении реципиента.

Организму как реципиента, так и донора (прижизненного) всегда наносится вред при таком вмешательстве. Поэтому необходимо соблюдать баланс соотношения риска и пользы от производимой операции, при котором лечение, направленное на пользу реципиенту, не должно вредить донору в равной или же большей степени [4, с. 30].

Принцип коллегиальности заключается в том, что наиболее сложные вопросы, связанные с процедурой установления диагноза, способов лечения, особенно сложных методик лечения, должны решаться консилиумом врачей [5, с. 20]. Дополнительно в качестве основополагающих идей правового регулирования трансплантации (специальные принципы) выделяют: 1. Принцип соблюдения очередности согласно «листу ожидания». 2. Принцип декоммерциализации пересадок органов и (или) тканей. 3. Принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества.

Принцип соблюдения очередности согласно «листу ожидания» является актуальным из-за того, что у разных «слоев» населения разный уровень доступа к медицине. И именно это положение должно обеспечивать равные

возможности для спасения жизни путем трансплантации. Лист ожидания – это список пациентов, нуждающихся в пересадке органов и (или) тканей людей. При появлении донорского органа его биологические данные сравниваются с биологическими параметрами пациентов, находящихся в листе ожидания, впоследствии чего данный орган достается тому, кому он более подходит по критериям совместимости [6, с. 11].

Принцип декоммерциализации трансплантации органов и (или) тканей человека заключается в бесплатном выполнении всех этапов трансплантации. Органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность. Путь платного донорства приведет к криминализации отрасли и нарушению международных норм, регламентирующих институт трансплантации, чего допустить нельзя [7, с. 162]. Также принцип декоммерциализации, провозглашая запрет на любые возмездные отношения в области трансплантации органов и (или) тканей человека, направляется на обеспечение равенства всех субъектов отношений.

Принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества представляет собой комплексный подход к решению проблем с помощью международного сотрудничества. Данный принцип направлен на взаимодействие национальной и международной систем донорства. Так как проблема поиска органов и тканей стоит очень остро, в Европе была создана и существует трансплантационная система «Евротрансплантант», которая отвечает за предоставление и распределение органов в Германии, странах Бенилюкс, Австрии, Венгрии, Словении и Хорватии. То есть эта система основывается на «листе ожидания» не одного государства, что повышает шансы людей на трансплантацию.

Необходимость совершенствования законодательной базы и приведения её в соответствие с международными стандартами относительно организационных вопросов проведения трансплантации органов и (или) тканей отмечают А. В. Мартынов и М. Д. Прилуков [8, с. 40], а также ряд других исследователей. Исходя из вышесказанного, очевидно, что в ДНР существует необходимость в принятии полноценного нормативного правового акта, регулирующего область трансплантации органов и (или) тканей человека. В акте следует закрепить и общие медицинские принципы, и специальные принципы правового регулирования трансплантологии, приведенные автором исследования. Дальнейшее развитие законодательства должно строиться в строгом соответствии с этими принципами для соблюдения всех прав и законных интересов человека и гражданина.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014 г.) / Официальный сайт

- Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 14.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976 г. – №17(1831).
3. Артамонова, Г. К. Право на жизнь и право на смерть в системе соматических прав человека / Г. К. Артамонова, И. Х. Бабаджанов, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 179–192.
4. Брылева, К. М. Принципы правового регулирования трансплантологической деятельности в Российской Федерации / К. М. Брылева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-3(49). – С. 29-34.
5. Горелик, И. И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей: монография / И.И. Горелик. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 90 с.
6. Трансплантология: Руководство для врачей / под ред. В. И. Шумакова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2006. – 544 с.
7. Розенталь, Р. Л. Донорство в трансплантации органов / Р. Л. Розенталь, В. Соболев, А. Сондоре. – Рига: Звайгзне, 1987. – 166 с.
8. Мартынов, А. В. Правовые и организационные вопросы трансплантационного туризма в современной системе здравоохранения: российский и международный опыт / А. В. Мартынов, М. Д. Прилуков // Мед. право. – 2014. – № 4. – С. 38–44.

Поступила в редакцию 20.10.2021 г.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF TRANSPLANTOLOGY IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article analyzes the principles of legal regulation of transplantation – both general (inherent in all medical activities) and specific (inherent exclusively in the field of transplantation). Within the framework of the problem under study, the need was identified to improve the legislation of the Donetsk People's Republic by consolidating the principles of legal regulation of transplantation as the fundamental ideas of the entire institute.

Keywords: transplantology, transplantation, principles, legal regulation, donor, recipient.

Ефремова Анна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of legal sciences, Associate
Professor of the Departments of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Грязина Татьяна Юрьевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Tanya-2013.ya@yandex.ua

Gryazina Tatiana

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Tanya-2013.ya@yandex.ua

УДК 347.67/08

Ефремова А. В.
Дятлов В. К.

ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

В данной работе изучены различные позиции учёных-цивилистов относительно трактовки категории «источник повышенной опасности». Сделан вывод, что понимание данного термина через понятие «деятельность» является наиболее целесообразным. В ходе исследования определена проблема отсутствия открытого перечня источников повышенной опасности. Представлен вывод о необходимости внесения изменений в ст. 1207 ГК ДНР, а также обосновывается необходимость создания электронного перечня такой деятельности.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, источник повышенной опасности, как деятельность, источник повышенной опасности, как материальный объект, владелец источника повышенной опасности, объекты источников повышенной опасности.

Актуальность написания данной работы заключается в объективной необходимости чёткого отграничения источника повышенной опасности от иной деятельности, учитывая возможность беспрепятственного восприятия данной категории в том числе и лицам, которые не имеют юридического образования. Помимо этого, вопросы о возмещении вреда, причинённого источником повышенной опасности, являются достаточно распространёнными в юридической практике. Такая ситуация объясняется, прежде всего, интенсивным развитием технологий, а вместе с тем и возникновением определённых материальных объектов, требующих конкретных навыков для их эксплуатации.

Так, к примеру, по данным российского аналитического агентства «Автостат» на 2021 год, объем рынка новых легковых автомобилей может составить от 1 млн 250 тыс. до 1 млн 520 тыс. единиц [1]. Робототехника в Российской Федерации (далее – Россия, РФ) также активно развивается: «Ранее промышленные роботы, в основном, использовались в автомобилестроении, сейчас их вариативное развитие приводит к внедрению в здравоохранении, обороне, аэрокосмической промышленности, образовании, производстве продуктов питания и напитков, бытовой техники и электроники и др.» [2].

Прежде чем перейти к рассмотрению приблизительного перечня источников повышенной опасности, необходимо отметить, что же представляет собой сама категория «источник повышенной опасности», так как в научной литературе представлены различные мнения: одни ученые полагают, что источник повышенной опасности следует трактовать через понятие «деятельность», иные – через термин «материальный объект», а некоторые и вовсе через категорию «свойства».

Представляется целесообразным первоначально рассмотреть нормативное толкование рассматриваемого словосочетания. Согласно ч. 1 ст. 1207 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), «юридические и физические лица, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и тому подобное; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и другое), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» [3, с. 666]. То есть, источник повышенной опасности представляется не чем иным, как деятельностью конкретно взятого лица (владельца источника повышенной опасности).

Аналогичного мнения придерживается и украинский законодатель, ведь в соответствии с ч. 1 ст. 1187 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), «источником повышенной опасности является деятельность, связанная с использованием, хранением или содержанием транспортных средств, механизмов и оборудования, использованием, хранением химических, радиоактивных, взрыво- и огнеопасных и других веществ, содержанием диких зверей, служебных собак и собак бойцовских пород и т.п., что создает повышенную опасность для человека, который эту деятельность осуществляет, и других лиц» [4]. Схожее положение содержится и в Гражданском кодексе Республики Казахстан (далее – ГК Казахстана), где уже исходя из названия нормы права понятно, что подразумевается под «источником повышенной опасности». Так, ст. 931 носит название «ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (источником повышенной опасности)» [5].

Ряд ученых данную позицию поддерживают, к примеру, О. А. Агарков указывал, что источником повышенной опасности является «не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей [6, с. 178]. О. С. Иоффе также считал, что «источник повышенной опасности есть определенного рода деятельность» [7, с. 178].

Относительно иных взглядов в научной литературе существует также ряд отличных от Иоффе и Агаркова мнений. К примеру, А. А. Собчак

полагал, что «источники повышенной опасности – это сложные материальные объекты, повышенная вредоносность которых проявляется в известной независимости их свойств от человека...» [8, с. 8]. Е.А. Флейшиц характеризует источник повышенной опасности как «свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека, а, не подчиняясь полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам» [9, с. 133].

Мнение относительно того, что «источник повышенной опасности» – это объект либо же свойства объекта, на наш взгляд, не в полной мере соответствует тем реалиям, при которых лицам причиняется определённый вред. Следует отметить, что источник повышенной опасности предполагает определённую деятельность лица, непосредственно связанную с объектом материального мира, взаимодействие с которым и может повлечь неблагоприятные последствия. То есть, само по себе транспортное средство, находящееся в автомобильном салоне, угрозы человеку не несёт, и только в последствии управления им становится источником повышенной опасности. Так, данную категорию следует рассматривать как деятельность человека, так и то, на что она направлена, то есть, на объект.

Необходимо согласиться с мнением О. Н. Садикова, который полагает, что квалификация того или иного объекта в качестве источника повышенной опасности в одних случаях не вызывает затруднений (автомобиль). В других случаях признание источником повышенной опасности требует значительной работы (проведение экспертизы и пр.). Традиционно домашние животные не относятся к числу источников повышенной опасности. Однако представляется правильным утверждение, в соответствии с которым, к примеру, «собаки специально выведенных пород, заведомо отличающиеся особой агрессивностью, также могут быть, при определенных обстоятельствах, признаны источниками повышенной опасности» [10, с. 47].

Общеизвестен тот факт, что списка объектов, использование которых представляет источник повышенной опасности, отсутствует в общем доступе, а потому имеет место неоднозначное уяснения сути данной категории. К примеру, при использовании общедоступных поисковых средств как www.google.com [11] и www.yandex.ru [12], по запросу «собаки бойцовских пород», сервисы выдают различные результаты. Так, сайт <https://petsi.net/> [13] предоставляет следующий перечень пород:

1. Американский бульдог;
2. Американский питбультерьер (питбуль);
3. Американский стаффордширский терьер (Амстафф);
4. Английский бульдог;
5. Бордоский дог;

6. Булли Кутта (Пакистанский мастиф);
7. Бульмастиф;
8. Бультерьер (буль);
9. Ка-де-бо (майорский мастиф);
10. Кавказская овчарка;
11. Канарский дог (преса канарио);
12. Кане корсо;
13. Мастиф;
14. Неаполитанский мастиф;
15. Неаполитанский мастиф (мастино) и т.д.

В то же время на веб-сайте <https://www.purina.ru/> [14] расположен следующий список:

1. Акита-ину;
2. Алабай;
3. Аляскинский маламут;
4. Американский бандог;
5. Американский бульдог (амбуль);
6. Аргентинский дог;
7. Басенджи;
8. Боксер;
9. Бразильский фила;
10. Бультерьер;
11. Бурбуль;
12. Доберман и т.д.

То есть, как видно из вышеуказанных перечней, породы не совпадают друг с другом, и невозможно сразу определить, является та или иная собака бойцовской.

К тому же, исходя из того, что перечень подобных объектов исчерпывающим не является и, к тому же, постоянно дополняется, создание единого Пленума в печатном варианте не считаем целесообразным, ведь в таком случае потребуются непрерывные переиздания. Однако разработка раздела на официальном сайте Верховного суда ДНР либо же Народного Совета ДНР с обновляющимся списком объектов, которые относятся к деятельности, именуемой источником повышенной опасности, повысит правовую осведомлённость граждан и предупредит совершение определенного числа правонарушений.

Таким образом, представляется необходимым сделать следующие выводы по изложенному выше материалу, а именно:

Во-первых, полагаем, что под источником повышенной опасности следует считать именно деятельностью субъекта, так как сам по себе объект опасным не является, а проявляет такие признаки только при взаимодействии с

владельцем. Считаю целесообразным предложить изменить содержание ст. 1207 ГК ДНР, п. 1 ч. 1 заменив следующей нормой: «Источником повышенной опасности является деятельность, связанная с использованием, хранением или содержанием транспортных средств, механизмов и оборудования, использованием, хранением химических, радиоактивных, взрыво- и огнеопасных и других веществ, содержанием диких зверей, служебных собак и собак бойцовских пород и т.п., что создает повышенную опасность для человека, который эту деятельность осуществляет, и других лиц».

Во-вторых, видится разумным и необходимым создание специального веб-сайта, в котором эксперты из различных сфер (кинологи, эксперты в области автотранспорта, оружейного дела, инновационных технологий, химической промышленности и т.д.) определили бы приблизительный перечень объектов источников повышенной опасности, что вследствие могло бы быть закреплено на международном уровне путём признания веб-страницы официальной и применимой при разрешении дел судом.

Список источников

1. Аналитическое агентство Автостат / Официальный сайт Автостата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.autostat.ru/infographics/46478/> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Консалтинговая группа Techart / Официальный сайт консалтинговой группы Techart [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://techart.ru/insights/4628> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от № 81–ПНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Гражданский кодекс Украины: Закон № 435–IV от 16.01.2003 г. / Официальный сайт «Законодавство України» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан: Закон РК № 410-1 от 01.08.1999 г. / Официальный сайт Юрист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880#pos=5;-108 (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.
6. Агарков, М. М. Возникновение обязательств из причинения вреда / М. М. Агарков. – М.: Гражданское право, 1944. – 289 с.
7. Иоффе, О. С. Советское гражданское право: курс лекций / О. С. Иоффе. – Л.: Госиздат, 1961. – 483 с.
8. Собчак, А. А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Собчак. – Л., 1964. – 15 с.
9. Флейшиц, Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. – М.: Госюриздат, 1951. – 214 с.
10. Гражданское право. Ч. 2: Обязательственное право. Курс лекций / под ред. О. Н. Садикова. – М.: БЕК, 1997. – 389 с.

11. Поисковой сервис Google / Официальный сайт поискового сервиса Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.google.com (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
12. Поисковой сервис Yandex / Официальный сайт поискового сервиса Yandex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.yandex.ru (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
13. Petsi: сайт для владельцев домашних животных / Официальный сайт Pesi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petsi.net/> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.
14. Purina: сайт для владельцев домашних животных / Официальный сайт Purina [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.purina.ru/> (дата обращения: 19.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 23.10.2021 г.

SOURCES OF INCREASED DANGER AS AN ACTIVITY OF LEGAL ENTITIES: A POSSIBILITY OF CREATING THE LIST OF OBJECTS

In this work, the researchers' various opinions about «sources of increased danger» are analyzed. There was made a conclusion that comprehension of such a category is connected with the definition «activity». During the research, some basic elements of the category «an unworthy hair» were outlined, and the definition was given. Furthermore, some offers for making alterations in art. 1207 of the DPR Civil Code were made. Also we explained the necessity of creating the list of such objects.

Keywords: source of increased danger, source of increased danger as an activity, source of increased danger as an object, an owner of a source of increased danger, the list of the sources of increased danger.

Ефремова Анна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of legal sciences, Associate
Professor of the Departments of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Дятлов Виталий Константинович

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vitaliy.dyatlov@inbox.ru

Dyatlov Vitaliy

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: vitaliy.dyatlov@inbox.ru

УДК 347.64

Ефремова А. В.
Нещадимова С. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье определены проблемы и представлены предложения о совершенствовании организации деятельности органов опеки и попечительства, с целью реализации конституционных положений о самостоятельности органов местного самоуправления. Также обоснована необходимость возложения обязанностей по проведению профилактических и реабилитационных работ в отношении родителей, лишенных или ограниченных в родительских правах, проведен анализ состояния правового обеспечения реализации патронажа, предусмотренного ст. 44 ГК Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: опека и попечительство, патронаж, сложные жизненные обстоятельства, реабилитационные меры, органы государственной власти, местное самоуправление.

В Донецкой Народной Республике (далее по тексту – ДНР) основными органами, осуществляющими опеку и попечительство, являются отделы по делам семьи и детей администраций городов, районов в городах, районов, над которыми установлен административный контроль, осуществляемый Государственной службой по делам семьи и детей ДНР. В соответствии с п. 1 Типового положения об отделе (секторе) по делам семьи и детей городских, районных в городах, районных администраций (далее – Типовое положение), отдел (сектор) по делам семьи и детей (далее – Отдел (сектор) создается главой городской, районной в городе, районной администрации, является ее структурным подразделением и в пределах соответствующей административно-территориальной единицы обеспечивает выполнение возложенных на него задач [1].

Таким образом, в ДНР полномочия по осуществлению опеки и попечительства возложены на местное самоуправление в виде администраций. В своей деятельности Отделы (секторы) подотчетны и подконтрольны Государственной службе по делам семьи и детей ДНР, что

регламентировано п. 2 Типового положения. В ДНР, местное самоуправление выражено в виде администраций районов, районов в городах, районов и является независимым, что предусмотрено ст. 8 Конституции ДНР [2].

В свою очередь, в п. 1.1. Положения о Государственной службе по делам семьи и детей ДНР указано, что Государственная служба по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики (далее – ГСДСД ДНР) является органом исполнительной власти Донецкой Народной Республики, осуществляющим в пределах своей компетенции реализацию государственной политики в сфере защиты прав, свобод и законных интересов детей, социальной поддержки семьи. Следовательно, реализованная в ДНР организационная форма осуществления опеки и попечительства входит в некоторое противоречие с указанным конституционным предписанием, поскольку орган государственной исполнительной власти осуществляет административный контроль над структурным подразделением органа местного самоуправления [3]. В связи с этим, целесообразно рассмотреть аналогичный вопрос в правовой действительности Российской Федерации (далее – РФ).

В РФ данный вопрос регулируется ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [4]. Так, согласно ч. 1 ст. 6 указанного ФЗ, органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В соответствии с п. 1.1. ч. 1 ст. 6 указанного ФЗ, Органы местного самоуправления поселений, муниципальных округов, городских округов, муниципальных районов, внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, на территориях которых отсутствуют органы опеки и попечительства, образованные в соответствии с настоящим Федеральным законом, могут наделять законом субъекта Российской Федерации полномочиями по опеке и попечительству с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. В этом случае органы местного самоуправления являются органами опеки и попечительства. Справедливым представляется высказывание В. А. Цветкова, который при анализе аналогичного вопроса в РФ отмечал, что: «В настоящее время организация работы органов опеки и попечительства на уровне местного самоуправления далека от совершенства, причиной чему являются: отсутствие необходимой нормативной правовой базы, административного контрольного органа, ненадлежащее сопровождение специалистов, осуществляющих данную деятельность, а также недостаточное для качественного и эффективного осуществления полномочий количество специалистов» [5, с. 74].

До принятия ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с

совершенствованием разграничения полномочий», вопросы опеки и попечительства находились исключительно в ведении местного самоуправления [6].

Неэффективность осуществления опеки и попечительства местным самоуправлением сделало необходимым внесение указанных изменений в организацию осуществления деятельности в сфере опеки и попечительства. Таким образом, в РФ органами опеки и попечительства являются органы федеральной власти, а в случае отсутствия данных органов, полномочия в сфере опеки и попечительства делегируются органам местного самоуправления. Приоритет организационной формы опеки и попечительства в РФ является её осуществление федеральными органами государственной власти. В связи с этим, видится целесообразным рецепирование данного опыта в деятельность органа государственной власти в виде ГСДСД ДНР. Считаем разумным инициировать вопрос об изменении организации деятельности в сфере опеки и попечительства, путем передачи указанных полномочий органам местного самоуправления в лице администраций районов, районов в городах, районов ГСДСД ДНР в лице их структурных территориальных подразделений. Очевидно, что данное изменение существенно изменит существующие организационные формы осуществления опеки и попечительства, однако будет способствовать реализации конституционных положений, повышению эффективности исследуемой деятельности. Для этого необходимо создание территориальных подразделений ГСДСД ДНР, определение их правового статуса, прав и обязанностей, задач и целей, порядок осуществления работы и обжалования решений. Преимуществом подобного решения вопросов организации опеки и попечительства является наделение специалистов территориальных органов статусом государственных служащих, введение конкурсной основы назначения на должность, повышение квалификационных требований.

Особое внимание следует также уделить вопросам реабилитации и профилактики для родителей, лишенных или ограниченных в родительских правах, оказание им необходимых социальных услуг с целью восстановления семьи как единственно возможной формы воспитания детей. Следует также отметить, что отобрание ребенка у родителей, а также лишение их родительских прав являются исключительными мерами. На данный момент ни Положение о ГСДСД ДНР, ни Типовое положение об отделе (секторе) не содержит норм, определяющих обязанность специалистов, осуществляющих полномочия по опеке и попечительство, по реабилитационным и профилактическим услугам для указанных категорий граждан.

На аналогичную проблему указывают и представители российской правовой доктрины. В частности, отметим мнение В.Е. Чаптыковой, которая указывает следующее: «В настоящее время работа органов опеки и

попечительства в отношении несовершеннолетних ориентирована на борьбу с последствиями, а не причинами социального сиротства. Выявление детей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, изъятие детей из семьи, установление их статуса, устройство, лишение родителей родительских прав – вот схема работы действующих на данный момент органов опеки и попечительства. В данной схеме нет места для профилактической, реабилитационной работы ни с ребенком, ни с его родителями» [7, с. 142].

Исходя из этого, следует обозначить, что в законодательстве РФ, аналогично ДНР отсутствует в качестве обязанностей органа опеки и попечительства осуществление профилактики и реабилитации для родителей, ограниченных или лишенных родительских прав, в связи с чем, целесообразно определить сущность профилактической и реабилитационной работы органов опеки и попечительства, с целью дальнейшего закрепления в законодательстве данных форм работы в качестве обязанности органов опеки и попечительства.

Объектом профилактической и реабилитационной работы органов опеки и попечительства следует считать детей, которые остались без попечительства родителей, а также детей, которые еще не лишились родительского попечения, однако находятся в условиях, представляющих угрозу их жизни, здоровью, препятствующих их должному воспитанию. Прежде всего это касается семей, где родители не выполняют своих родительских обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению детей, отрицательно влияют на их поведение или жестоко обращаются с ними. В качестве примера видов профилактической и реабилитационной работы представляется уместным указать проведение бесед на тему ответственного исполнения родительских обязанностей, установление причин и оснований, послуживших для ограничения или лишения родительских прав, разъяснение родителям порядка снятия ограничений или восстановления в родительских правах, в зависимости от обстоятельств, послуживших основанием для лишения или ограничения в родительских правах, ознакомление родителей о необходимости трудоустройства или лечения от алкогольной или наркотической зависимости и др. При установлении факта устранения причин и оснований, послуживших для ограничения или лишения родительских прав, целесообразно предоставить органу опеки и попечительства право по собственной инициативе обратиться в суд для снятия ограничений или восстановления в родительских правах. На основании изложенного, считаем целесообразным дополнить п. 4.13¹ Типового положения об отделе (секторе) по делам семьи и детей городских, районных в городах, районных администраций и изложить в следующей редакции:

«4.13¹. Проведение социально-реабилитационной и социально-профилактической работы, направленной на устранение причин, которые стали основанием для ограничения или лишения родительских прав родителей».

Следует также рассмотреть вопрос о реализации ст. 44 ГК ДНР в деятельности органов опеки и попечительства. Так, исходя из рассматриваемых типовых положений, в настоящее время в задачи отделов (секторов) не входит установление патронажа над дееспособным физическим лицом. Следует разграничивать социальный патронаж, который осуществляется в отношении семей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, а также предусмотренный ст. 44 ГК ДНР патронаж над дееспособным совершеннолетним лицом, которое по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности [8].

Социальный патронаж, в соответствии с п. 1.3 Порядка осуществления социального патронажа семей с детьми, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, под социальным патронажем следует понимать комплексную систему оказания социальной поддержки и помощи семье с детьми, оказавшейся в сложных жизненных обстоятельствах, использования внутреннего потенциала членов семьи, соблюдения прав детей и родителей. Также согласно данного пункта, под сложными жизненными обстоятельствами следует понимать обстоятельства, ухудшающие социальное положение семьи с детьми, вследствие которых семьи с детьми частично или полностью не имеют (или утратили) способность или возможность самостоятельно заботиться о семейной (личной) жизни, защищать свои права и права детей, участвовать в общественной жизни [9].

В свою очередь, основанием для установления патронажа является заключение договора поручения, договора доверительного управления имуществом или иного договора между помощником и физическое лицо, над которым устанавливается патронаж. В данных правоотношениях орган опеки и попечительства является органом контроля за исполнением условий договора помощником. Как было указано, в настоящее время в действующих подзаконных нормативных правовых актах не установлена обязанность отделов (секторов) осуществлять организацию патронажа над указанными категориями граждан, не определен механизм организации патронажа, в связи с чем, следует говорить о наличии правового пробела в законодательстве. На аналогичную проблему указывают представители российской правовой доктрины, где, не смотря на длительный период существования правовой основы патронажа, существует ряд проблем, связанных с организацией патронажа.

В связи с этим, следует отметить высказывание А. В. Гришиной: «С момента введения патронажа Гражданским кодексом Российской Федерации

(Часть 1) в 1995 г., в Омской области данная форма попечительства не использовалась. Полномочия по организации и установлению попечительства в форме патронажа органами местного самоуправления не осуществлялись. В настоящее время в Омской области отсутствуют граждане, находящиеся под патронажем, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации» [10, с. 123].

Проблема реализации указанной нормы в деятельности опеки и попечительства РФ также является актуальной, исходя из приведенного примера. Причиной этому является, по мнению Б. М. Гонгало является недостаточная осведомленность граждан о возможности реализации данного права, отсутствие необходимой нормативной базы, лиц, которые могут выступать в качестве помощников, а также отсутствие материальной заинтересованности помощников в заключении подобных договоров [11, с. 90].

Исходя из ст. 44 ГК ДНР, которая имеет аналогичное ст. 41 ГК РФ содержание, заключаемый между физическим дееспособным лицом и помощником договор может быть, как возмездным, так и безвозмездным. Вознаграждение может выражаться в предоставлении благ как имущественного, так и неимущественного характера (пользование дачей, автомашиной, комнатой в квартире, личной библиотекой и т. п.). При этом обстоятельства, которые определяют необходимость установления патронажа, связаны с состоянием здоровья, обусловленным преклонным возрастом, соматическим расстройством, инвалидностью, невозможностью из-за болезни свободно передвигаться за пределами своего дома и т.п. Эти обстоятельства определяют необходимость в помощнике, который мог бы оказывать услуги, регламентированные заключенным договором, которые лицо, в отношении которого установлен патронаж, не способен получить самостоятельно.

Под патронажем, по справедливому убеждению С. Б. Смирновой, следует понимать регулярное (постоянное) оказание помощи в осуществлении прав, их защите и исполнении обязанностей совершеннолетнему дееспособному гражданину, нуждающемуся в такой помощи по состоянию своего здоровья: тяжелая болезнь, физические недостатки, немощность по старости [12, с. 29]. Например, в г. Москва, вопросы патронажа регулируются порядком установления попечительства в форме патронажа над совершеннолетними дееспособными гражданами в Москве, утвержденного Постановлением Правительства г. Москва от 23 сентября 1997 г. № 692-ПП [13]. Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости принятия подзаконных актов, которые определяют порядок реализации права физического дееспособного лица, предусмотренного ст. 44 ГК ДНР. Также необходимо дополнить п. 5.25 Типового положения об отделе

(секторе) по делам семьи и детей городских, районных в городах, районных администраций и изложить норму следующего содержания:

«5.12. Привлекает волонтеров (помощников) для выполнения своих задач, функций, предоставления услуг, предусмотренных договором, в рамках патронажа;».

Резюмируя изложенное, представляется необходимым отметить, что в ДНР существуют отдельные проблемы организации деятельности опеки и попечительства, связанные с реализацией конституционных предписаний о самостоятельности органов местного самоуправления. Предлагается создание территориальных подразделений Государственной службы по делам семьи и детей ДНР и передача им полномочий по осуществлению опеки и попечительства Отделами (секторами) по делам семьи и детей в городских, районных в городах, районных администраций.

Также были установлены проблемы реализации положений ст. 44 ГК ДНР, регламентирующей организацию патронажа над дееспособными физическими лицами, которые нуждаются в предоставлении им услуг помощниками по состоянию здоровья. В связи с этим, требуется принятие подзаконных нормативных актов, которые определяют порядок установления патронажа над указанными лицами, формы контроля органами опеки и попечительства.

В рамках настоящего исследования была определена необходимость закрепления в отдельных подзаконных актах обязанности органов опеки и попечительства осуществления реабилитационных и профилактических работ в отношении родителей, лишенных и ограниченных в родительских правах, с целью устранения причин, послуживших основанием для ограничения или лишения родительских прав.

Список источников

1. Типовое положение об отделе (секторе) по делам семьи и детей городских, районных в городах, районных администраций, утвержденное Приказом Государственной службы по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики 01.04.2015 № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0104-2-20150401/> (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Конституция Донецкой Народной Республики (с учетом изменений, внесенных Законами от 27.02.2015 №17-ИНС, от 29.06.2015 №63-ИНС, от 11.09.2015 № 92-ИНС) // Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №1. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – 36 с.
3. Положение о Государственной службе по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики, утвержденная Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики 31.05.2016 № 7-24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0003-7-24-20160531/> (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (в ред. Федеральных закона от 30.04.2021 N 114-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.

5. Цветков, А. В. Совершенствование законодательства в области организации и осуществления опеки и попечительства / А. В. Цветков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2(15). – С. 73–77.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: Федеральный Закон от 29.12.2006 № 258-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64874/ (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.

7. Чаптыкова, В. Е. Опека и попечительство: современные проблемы реализации / В. Е. Чаптыкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4(49). – С. 141–144.

8. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 (с изм., внес. Законом от 21.05.2021 № 286-ПНС) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.

9. Порядок осуществления социального патронажа семей с детьми, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, и учета детей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, утвержденный Приказом Государственной службы по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики 23.12.2016 № 112. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0104-112-20161223/> (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.

10. Гришина, А. М. Актуальные проблемы опеки и попечительства в Российской Федерации // Современные проблемы права глазами молодых ученых: Сб. статей участников Международной научно-практической конференции / науч. ред. В. Ю. Толстолицкий, В. А. Юматов, В. А. Колосова. – 2019. – № 2(54). – С. 122–124.

11. Гонгало, Б. М. Опека, попечительство, патронаж / Б. М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 2. – С. 83–93.

12. Смирнова, С. Б. Актуальные проблемы института опеки и попечительства в РФ / С. Б. Смирнова, Е. Н. Алексеева // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия сборник статей по материалам XXXVI международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 27–31.

13. Порядок установления попечительства в форме патронажа над совершеннолетними дееспособными гражданами в Москве, утвержденный Постановлением Правительства г. Москва от 23 сентября 1997 г. № 692-ПП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/31944220/> (дата обращения: 17.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 23.10.2021 г.

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ORGANIZATION
AND IMPLEMENTATION OF LEGISLATIVE PROVISIONS
IN THE ACTIVITIES OF GUARDIANSHIP AND GUARDIANSHIP
AUTHORITIES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

This article identifies the problems and presents proposals for improving the organization of the activities of guardianship and guardianship bodies, in order to implement the constitutional

provisions on the independence of local self-government bodies. The necessity of imposing duties on carrying out preventive and rehabilitative work in relation to parents deprived or restricted in parental rights is also substantiated, the analysis of the state of legal support for the implementation of patronage provided for in Article 44 of the Civil Code of the Donetsk People's Republic is carried out.

Keywords: guardianship and guardianship, patronage, difficult life circumstances, rehabilitation measures, state authorities, local self-government.

Ефремова Анна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of legal sciences, Associate
Professor of the Departments of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Нещадимова София Александровна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sophiebukovskaya@bk.ru

Neschadimova Sofia

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sophiebukovskaya@bk.ru

УДК 347.67/08

Ефремова А. В.
Резник А. А.

**ЛИЦА, УТРАТИВШИЕ ПРАВО НА НАСЛЕДОВАНИЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ВЬЕТНАМ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В данной статье проанализированы основания и проблемы признания наследника недостойным согласно Гражданским кодексам Донецкой Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам, а также Китайской Народной Республики. В ходе исследования выделены основные признаки, присущие такой категории, как «недостойный наследник», а также дано авторское определение данного термина. Помимо этого, предоставлены предложения относительно внесения изменений в ст. 1246 ГК ДНР.

Ключевые слова: недостойные наследники, устранение от права на наследование, наследование по закону, наследование по завещанию, наследственные правоотношения.

Актуальность проводимого исследования объясняется динамичной природой гражданских правоотношений, вследствие чего представляется целесообразным постоянный анализ правовых норм для своевременного устранения пробелов в законодательном регулировании. Помимо этого, ввиду интеграции законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в Российскую Федерацию (далее – РФ) на территории нашего государства был принят ряд нормативных правовых актов, в том числе и Гражданский кодекс, а из этого следует, что тщательное рассмотрение норм вновь образованного закона будет способствовать совершенствованию правовых отношений. При написании данной работы используются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, а также такие специальные методы, как герменевтика, сравнительно-правовой анализ. Представляется, что сопоставление национального законодательства с нормативными положениями зарубежных стран позволит расширить восприятие рассматриваемого вопроса и дать более полную характеристику изучаемых категорий.

Следует начать с того, что необходимо дать определение такой категории, как «недостойный наследник». Так, согласно положениям

справочной литературы, недостойным признается человек, не заслуживающий уважения, а также безнравственная, бесчестная личность [1, с. 345]. В юридической литературе под недостойным наследником, по мнению А. Е. Казанцевой, понимается такой наследник, который не заслуживает получения наследства [2, с. 399]. Подобные утверждения, хоть в целом и объясняют суть изучаемого явления, однако совершенно не раскрывают признаки анализируемой категории. Для того, чтобы определиться, кого же именно считают лицом, не имеющим право на наследование необходимо обратиться к положениям гражданского законодательства сравниваемых стран.

Во-первых, следует рассмотреть ст. 1246 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР) [3, с. 685]. Так, в соответствии с данным положением, не наследуют ни по закону, и ни по завещанию:

1) физические лица, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию;

2) физические лица, которые своими умышленными противоправными действиями способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке;

При этом вышеуказанные физические лица, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, вправе наследовать это имущество.

Помимо этого, согласно ч.1, 2 также не имеют право на наследование по закону: родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства; физические лица, злобно уклонявшиеся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (по требованию заинтересованного лица).

Во-вторых, рассмотрим положения ст. 1125 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее – ГК КНР, ГК Китая) [4]. Так, наследник утрачивает право на наследование в случае:

1) умышленного убийства наследодателя;

2) убийства других наследников в целях присвоение наследственного имущества;

3) оставление наследодателя или жестокого обращения с наследодателем при наличии отягчающих обстоятельств;

4) подделки, искажения, сокрытия или уничтожения завещания при наличии отягчающих обстоятельств;

5) склонения или препятствования наследодателю в составлении, изменении или отмене завещания с использованием обмана или принуждения при наличии отягчающих обстоятельств.

Также в ГК Китая отмечено, что при деятельном раскаянии наследника после совершения деяний, предусмотренных пунктами 3–5, после которого наследодатель включает его в список наследников по завещанию, данный наследник имеет право на наследование.

В-третьих, необходимым представляется обратить внимание на ст. 643 Гражданского кодекса Социалистической Республики Вьетнам (далее – ГК Вьетнама) [5]. В соответствии с данной нормой не имеют право наследовать:

1. лица, осужденные за умышленное посягательство на жизнь и здоровье наследодателя, а также жестокое обращение, либо неправомерное физическое или психологическое воздействие на наследодателя, либо посягательство на честь и достоинство наследодателя;

2. лица, злостно нарушавшие свои обязательства по содержанию наследодателя;

3. лица, осужденные за умышленное посягательство на жизнь наследодателя в целях получения части или полного объёма наследства, если имели право на таковое;

4. лица, вводившие в заблуждение, удерживавшие либо препятствовавшие наследодателю в составлении завещания;

5. лица, подделавшие, испортившие либо уничтожившие завещание в целях получения части или полного объёма наследства против воли наследодателя.

Вышеуказанные лица могут претендовать на наследство в том случае, если наследодатель, зная об их деяниях, все же включил их в завещание.

На основании изложенного представляется целесообразным выделить ряд признаков, присущих всем трём системам права. Так, недостойным следует считать наследника, который:

1) умышленно лишил жизни наследодателя;

2) покушался на жизнь наследодателя либо других наследников с целью получения той или иной доли наследства;

3) нарушавшие свои обязательства по содержанию наследодателя;

4) своими противоправными действиями способствовал изменению завещания.

Вне сомнений, первый и второй пункты подчеркивают безусловность права на жизнь, ведь ч. 1 ст. 14 Конституции ДНР предусмотрено, что «каждый имеет право на жизнь», и что право это нерушимо [6]. Равно, как жизнь и здоровье наследодателя, законом охраняется жизнь и здоровье наследников, на которых было направлено посягательство со стороны лица, имеющего своей целью неправомерное завладение той или иной долей в

наследстве. Однако, по нашему мнению, следует выделить «жизнь и здоровье наследодателя» в отдельный пункт, а это же положение о наследниках – во второй пункт для более удобного восприятия информации, ведь на первый взгляд может создаться впечатление, что лишь лицо, лишившее или посягавшее на жизнь наследодателя в целях получения наследства будет лишено права на наследование в то время, как таких оснований может быть масса (на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т.п.).

Помимо схожих оснований для признания наследника недостойным, следует рассмотреть положение, закрепленное ч. 1 ст. 643 ГК Вьетнама, а именно часть, регламентирующую следующую норму: «не имеют права наследовать лица, осужденные за посягательство на честь и достоинство наследодателя». Понятие достоинства настолько тесно связано с понятием чести, то иногда довольно сложно определить отличия в их содержании. Честь и достоинство – показатели моральной ценности человека. С их помощью определяется моральность отдельного человека и коллектива, и даже общества [7, с. 61]. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 14 Конституции ДНР, «достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления».

По мнению П. Н. Панченко и О. В. Шутенко, «право на честь, достоинство, безусловно является неотъемлемым правом какого-либо физического и юридического лица. Его нарушение обуславливает достаточно большой моральный вред, вред в свободе действий и в общественном положении, негативно влияющим на окружающих. Поэтому государство должно защищать это личное неимущественное право. Вступая с обществом в моральные и правовые отношения, человек имеет право требовать от общества осуществления прав, необходимых действий для поддержания его достоинства, свободного развития его личности, к которым относится и социальное обеспечение. Эта деятельность должна обеспечиваться усилиями национального законодательства в соответствии к нормам международного права, и обосновываться на общечеловеческих ценностях, нормах морали». Так, право на честь и достоинство неотъемлемо, а потому представляется необходимым считать нарушение такового основанием для устранения от права на наследство.

Таким образом, на основании изложенных выше положений следует отметить следующее:

1. Целесообразным считаем изложение ст. 1246 ГК ДНР в следующей редакции:

«1. Не наследуют ни по закону, ни по завещанию:

а) физические лица, которые своими умышленными противоправными действиями посягали на жизнь здоровье и иные конституционные права наследодателя;

б) физические лица, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против кого-либо из наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию, либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства.

Обстоятельства, указанные в п. «а» и «б» должны быть подтверждены в судебном порядке.

При этом физические лица, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, вправе наследовать это имущество.

1. Не наследуют по закону:

а) родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства;

б) физические лица, злостно уклонявшиеся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (по требованию заинтересованного лица) ...»

2. Для справочной литературы предложен следующий вариант трактовки категории «недостойный наследник». Недостойный наследник – это лицо, утратившее право на принятие наследства ввиду того, что своими умышленными действиями лишило либо посягало на жизнь наследодателя или других наследников в целях получения доли в наследстве, нарушало его конституционные права, а также ненадлежащим образом исполняло обязанности по содержанию наследодателя, либо своими противоправными действиями способствовало изменению завещания в свою пользу.

Список источников

1. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. – М.: Инфра, 2001. – 790 с.
2. Казанцева, Е. А. Недостойные наследники / Е. А. Казанцева // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3. – С. 399–403.
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от № 81–ПНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-koдекс-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: Закон КНР от 28.05.2020 (пер. Бажанов П. В.) / Официальный сайт Chinalaw.Center. Законодательство Китая на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.
5. Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам: Закон от № 33/2005/QН11 от 14.06.2005 / Официальный сайт WIPO Lex. Мировой фонд правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/184162> (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. с экрана.

6. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14 мая 2014 года) / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 18.10.2021). – Загл. }! экрана.
7. Вознюк, Н. М. Этика: научное пособие / Н. М. Вознюк. – К.: Центр учебной литературы, 2008. – 212 с.
8. Панченко, П. Н. Понятия чести и достоинства в украинском законодательстве / П. Н. Панченко, О. В. Шутенко // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 6(57). – С. 68–76.

Поступила в редакцию 23.10.2021 г.

INDIVIDUALS WHO LOST THEIR RIGHT TO INHERIT: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIVIL LAW REGULATIONS IN THE DONETSK PEOPLE’S REPUBLIC, THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM AND THE CHINESE PEOPLE’S REPUBLIC

In this article, the backgrounds and some problems of identifying an heir as an unworthy one are analyzed in view of the Civil Laws of the Donetsk People’s Republic, the Socialist republic of Vietnam and the Chinese People’s Republic. During the research, some basic elements of the category “an unworthy heir” were outlined, and the definition was given. Furthermore, some offers for making alterations in art. 1246 of the DPR Civil Code.

Keywords: unworthy heirs, the remedy from the right to inherit, inheritance under the law, inheritance under a will, inheritance relationships.

Ефремова Анна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of legal sciences, Associate
Professor of the Departments of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Резник Александра Андреевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.reznik19@yandex.ru

Reznik Aleksandra

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: a.reznik19@yandex.ru

УДК 338.012

Карпенко Л. К.
Бондарь Н. А.

МЕДИКО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КЛОНИРОВАНИЯ

На основе научного и фактического материала определить содержание понятия клонирования, осветить медико – правовой аспект клонирования, разработать новые законодательные векторы в сфере терапевтического клонирования.

Ключевые слова: репродуктивное клонирование, терапевтическое клонирование, запрет клонирования, стволовые клетки, медицинский подход к вопросам клонирования.

Клонирование – это создание клона генетически идентичного другому живому или умершему человеку путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека; эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель.

Медико-правовой аспект клонирования способствует реализации достижений ученых в сфере биомедицины с целью разработки новых подходов к излечению от тяжелых заболеваний эволюционными методами и закрепления их в правовом поле. Актуальность выбора данной темы состоит в анализе сущности клонирования, её особенностей, и изучения принципов использования государствами новой технологии.

Юридическое закрепление такого сложного явления, как клонирование, отражено в работах многих ученых. Однако, в рамках данного исследования целесообразно выделить таких авторов как Груздева М. С., Зубарева О. В., Крамур Г. С., Пестрикова А. А., Пурге А. Р., Смирнов А. М., Тепляшев И. В., Тихонов А. И., Хэ Цзянькуй, Юдин Б. Г.

Цель научной работы – на основе научного и фактического материала определить содержание понятия клонирования, осветить медико-правовой аспект клонирования, разработать новые законодательные векторы в сфере терапевтического клонирования.

Медико-правовой аспект целесообразно изучать по работам ведущих специалистов в данной сфере. На сегодняшний день отсутствует единый подход к клонированию, как технологии, способной излечивать тяжелые формы различных заболеваний.

По мнению Груздева М. С. под терапевтическим клонированием необходимо понимать пересадку ядер соматических клеток, где в заранее

© Карпенко Л. К., Бондарь Н. А., 2021

производится удаление ядра с целью замены его ДНК другого организма [1, с. 10]. Данная процедура способствует появлению стволовых клеток необходимых для излечения от различных заболеваний без появления клона на свет.

Юдин Б. Г. акцентирует внимание на том, что соматическая клетка, взятая из организма клонируемого человека, проходит определенный путь: на протяжении короткого времени клетка стареет и расходует какие-либо ресурсы для поддержания естественного состояния. Вышеуказанное свидетельствует, что уже изначально используется дефективный генетический материал, а также следует помнить о том, что перенос ядра является искусственным вмешательством, в связи с чем велик шанс негативных последствий [11, с. 45].

Клонирование – это одна из человеческих технологий, сложность которой доказывает закономерности, что в мире ничего не происходит случайно. Целесообразно заметить, что для клонирования животных потребовался длительный промежуток времени, большой пласт знаний. В связи с этим ряд ученых, таких как Крамур Г. С, Лодырев Д. Т., Фрунин К. В, пришли к выводу, что атеистическая идея «самозарождения» отходит на второстепенный уровень, а все происходит по воли высшего Разума [4, с. 14]. Поэтому с освоением такой тяжелой технологии, как клонирование, еще раз подтвердит, что человек произошел и наделен волей Творца

Медицина ближайшего будущего будет строиться вокруг развития эмбриональных стволовых клеток, в связи с чем в мире науки на сегодняшний день уделяется так много внимания терапевтическому клонированию, а также исследованию стволовых клеток [8, с. 4].

Например, возьмем за основу болезнь Альцгеймера – это одна из распространенных форм деменции, относящаяся к нейродегенеративному заболеванию. Как правило, данная болезнь проявляется у людей преклонного возраста, однако, по статистическим данным и мнениям ученых, данное заболевание начинает свое омоложение и все чаще находят ее и в раннем возрасте.

Болезнь Альцгеймера – это тяжелое и серьезное заболевание, которая развивается из-за разрушения нервных клеток организма человека и происходит нарушение в деятельности мозга человека, но, как правило, люди воспринимают данную болезнь, как возрастные особенности. Причина болезни Альцгеймера заключается в нарушении работы клеток мозга: разрушение нервной системы, которая сопровождается такими симптомами, как потеря памяти, забывчивость, долгое формирование мыслей.

Стволовые клетки присутствуют в любом человеческом органе и являются определенным плацдармом и опорой на будущее развитие

человека, так как из них начинают свое развитие все последующие клетки организма, которые заменяют уже старые, выполнившие свои функции. Пурге А. Р. считает, что стволовых клеток существует определенное количество, так как отсутствует функция репродукции, соответственно устанавливается лимит на поддержание органов в благоприятном состоянии [6, с. 28]. С истощением резервных клеток, орган утрачивает возможность нормального выполнения своих функций и постепенно начинает путь саморазрушения.

Тихонов А. И. обращает внимание на то, что при болезни Альцгеймера происходит разрушение головного мозга в несколько этапов, каждый из которых протекает с большей скоростью, но при этом, пока с помощью медицины возможно поддержать состояние жизненных органов, человек продолжает свое существование, но только наступает следующий этап распада и личность полностью себя истощивает [9, с. 85].

Пестрикова А.А. объясняет медленное развитие на ранних этапах данной болезни тем, что нейроны мозга успевают заменяться новыми клетками благодаря тому, что организм максимально использует резервы стволовых клеток для поддержания жизнедеятельности, а когда запас истощивается, то наступление летального исхода происходит очень быстро [5, с. 11].

В связи со всем вышеизложенным, усматривается, что если подобрать необходимые химические вещества, то помимо поддержания, возможно развитие новых нейронов в головном мозге человека, которые восстанавливают утраченные пробелы. Смирнов А. М. приходит к выводу, что одним из немногих дополнительных источников по получению стволовых клеток является клонирование, которое способствует получению большого количества стволовых клеток за счет развития другого организма. При этом следует учитывать, что клетки – предшественники приживаются только в тот орган, в котором они ранее существовали [7, с. 71].

Следует отметить, что благодаря развитию медицины происходит торможение болезни Альцгеймера, так как явными симптомами данного заболевания являются весьма быстрая гибель нейронов и расходование клеток предшественниц, а с помощью вышеописанного метода возможно поддержание оптимального состояния человека на длительном промежутке времени.

Одним из немногих дополнительных источников по получению стволовых клеток является клонирование, которое способствует получению большого количества стволовых клеток за счет развития другого организма, но при этом клетки – предшественники приживаются только в тот орган, в котором они ранее существовали. Перед открытием метода пересадки стволовых клеток от клона к живому человеку, существовали другие подходы

решения проблемы, которые противоречили нормам этики и морали. Например, метод получения клеток из абортного материала, теоретическая суть которого заключалась в следующем: развитие человеческого плода на протяжении более 20 недель, затем выборка пациентов, у которых произошел выкидыш или они сделали аборт. После данных действий из мертвого зародыша извлекались стволовые клетки по предварительному согласию родителей.

Дальнейшим витком развития медицинского аспекта клонирования и стволовых клеток при борьбе с болезнью Альцгеймера стал эксперимент над крысами. Изначально, стволовые клетки, которые использовались в данном эксперименте, были получены из абортного материала на сроке 11 недели беременности. В дальнейшем данные стволовые клетки смогли продолжить свое существование в нейронах крысиного головного мозга. У старых крыс было зафиксировано улучшение памяти и более активный образ жизни [2, с. 25].

Эксперимент на крысах вызвал ряд суждений в мире науки. Например, научные представление о том, что человеческим клеткам должны соответствовать только человеческие клетки и при этом не близких родственников, смесь клеток человека и животного может привести к необратимым последствиям или противоположная – скрещивание клеток животных и человека – это новый этап эволюции, но изначально данные эксперименты необходимо проводить на клонах. Суть данного подхода заключалась в следующем: при болезни Альцгеймера происходит отмирание клеток головного мозга. В связи с этим необходимо обратить внимание на особенность у рыбок Данио, которые способны вырабатывать дефамин на генном уровне, стимулирующих работу клеток головного мозга. Возможность передачи данной клетки человеку полностью решает проблему с таким тяжелым заболеванием как Альцгеймер, но проводить эксперименты на человеке не является целесообразным, даже, если на выходе возможен положительный результат. Поэтому предлагается с помощью терапевтического клона проводить развитие теорий на эмбрионе [2, с. 28].

Ряд ученых, проводящих эксперимент на крысах, ввели человеческие клетки с расчетом на то, чтобы увидеть развитие стволовых клеток за пределами естественного организма и пробирки, так как будут достигнуты естественные условия существования. Следует отметить, что на сегодняшний день совместимость стволовых клеток различных людей, не являющимися родственниками, возможна, и все благодаря данному эксперименту. С использованием лабораторных условий при правильном содержании стволовых клеток они теряют антиген и возможно внедрение в другой человеческий организм.

Все вышеописанные результаты были получены в следствии экспериментов над животными или безысходности, когда болезнь полностью разрушает человека и родственники дают согласие на ввод стволовых клеток, полученных экспериментальным путем. По состоянию на 2014 год, уже были выработаны все возможные пути решения данного заболевания, в том числе с помощью терапевтического клонирования. На сегодняшний день в большей части стран мира наложен мораторий, проведение экспериментов с эмбрионами, обладающими стволовыми клетками запрещено. При этом в ряде стран, где уголовное законодательство разрешает терапевтическое клонирование, по согласию родственников, происходит бесконечная регенерация стволовых клеток, необходимых для излечения болезни Альцгеймера. Использование клеток – предшественников полностью себя оправдывает вне зависимости от пути их получения. Согласно статистическим данным, у пациентов удавалось остановить развитие данной болезни и возвращалась часть утраченных функций мозга. В связи с этим необходимо одновременное развитие терапевтического клонирования для проведения более точных опытов и получения стволовых клеток, а также развития генной инженерии, которая способствует оптимальному лечению различных заболеваний.

Эволюционным витком развития генной инженерии и терапевтического клонирования стали Лула и Нана, генетически модифицированные девочки близнецы, которые были рождены на территории Китая. Непосредственно, экспериментом занимался Хэ Цзянькуй – профессор китайского университета по науке и технике. Суть эксперимента данного ученого состояла в том, что он путем имплантации внедрил в матку определенный зародыш, который изначально был подвергнут определенному генному редактированию CRISPR/cas9, который позволяет отключать гены в иммунных клетках. Затем были отключены 18 тысяч генов, для получения определенной группы иммунных клеток, которую в дальнейшем подвергли заражению ВИЧ. После этого был определен ряд генов, за счет которых развивается данное заболевание, и оно было заблокировано с помощью специальных иммунных клеток [10, с. 20].

После вышеуказанных процедур Хэ Цзянькуй удалил определенный участок ДНК, содержащий ген, который давал возможность ВИЧ проходить сквозь иммунную систему и развиваться в организме человека. Необходимо отметить, что в связи с обнаружением данной мутации от ВИЧ уже был вылечен один человек, который вошел в историю, как «берлинский пациент», а в тот момент времени был излечен Тимоти Рэй Браун. Как отмечают медицинские врачи и ученые, пациент перенес две трансплантации головного мозга после обнаружения ВИЧ, при этом врачи подчеркивали, что был шанс излечения с помощью терапевтического клонирования. В данном случае был

подобран специальный донор, который имел очень редкую мутацию клеток CCR5 delta 32, которая являлась полностью невосприимчивой к ВИЧ, что в дальнейшем выяснилось в ходе эксперимента. Тимоти Рэй Браунт был вылечен от двух тяжелейших заболеваний, так как преодолел рак и ВИЧ. Данный случай был положен в основу разработок китайского ученого.

На сегодняшний день дети Луна и Нана так и не были представлены свету, так как их родители опасаются за будущее своих детей, сам Хэ Цзянькуй предоставил документы эксперимента в китайский реестр клинических исследований. Данный процесс запустил огромный ряд критики в адрес ученого, например, США ссылались на то, что в большей части мира редактирование эмбриона запрещено, так как это прямое противоречие нормам этики и морали, также неизвестно дальнейший процесс мутации, а человеческая жизнь является наивысшей ценностью.

Тихонов А.И., отмечает, что изменения в геноме двух девочек могут отразиться на дальнейшем потомстве, так что радость избавления от ВИЧ является преждевременной. Необходимость развития терапевтического клонирования должно стать плацдармом для дальнейших исследований [9, с. 90].

Хэ Цзянькуй в интервью журналу «Nature» заявил, что он осознал каждое действие, знал о существовании спорных мнений, но считает, что данный эксперимент в дальнейшем поможет многим семьям и готов взять на себя критику.

Согласно данным РИА Новости более 1000 человек подписало петицию о том, что действие китайского ученого не были оправданы и это был безрассудный эксперимент над человеческими генами, но как утверждает Хэ Цзянькуй, что решение этого конфликта в дальнейшем покажет время.

Подводя итог исследованию медико-правового аспекта клонирования, приходим к выводу, что необходимо на законодательном уровне способствовать развитию новых векторов медицины в направлении терапевтического клонирования. Данная технология способствует созданию определенного количества стволовых клеток, которые могут быть использованы при излечении от тяжелых заболеваний. При этом эмбрион развивается до 14 дней, то есть до стадии, когда будут задействованы основные жизненные процессы. В большинстве стран дальнейшее развитие эмбриона подпадает под запрет, так как он начинает переходить в стадию развития организма, то есть происходит переход от терапевтического клонирования к репродуктивному. Данная технология нуждается в дальнейшем изучении таких вопросов, как запуск самолечения с помощью стволовых клеток, создание идентичного органа при репродуктивном клонировании, появление стволовых клеток у клона, выяснения процента и риска мутации.

Правой аспект клонирования целесообразно рассматривать, используя позитивный опыт зарубежных стран в части уголовно-правового противодействия клонированию человека, дополнить главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII УК ДНР новой статьей 121¹, которую необходимо изложить в следующей редакции:

«1. Репродуктивное клонирование, то есть особый вид клонирования, с целью создания копии другого организма в ходе экспериментального исследования или в рамках медицинской процедуры, –

наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.»

Данное правовое закрепление будет способствовать декриминализации или снижению общественной опасности за такие деяния, как изъятие органов или тканей человека для трансплантации. При данном законодательном подходе, терапевтическое клонирование остается доступным, что в свою очередь будет способствовать развитию новых векторов медицины и разработке технологий по излечению от тяжелых заболеваний.

Список источников

1. Груздева, М. С. Клонирование: новые возможности и риски / М. С. Груздева // Вятский медицинский вестник. – 2009. – № 1. – С. 122–123.
2. Зубарева, О. В. Теория развития медицины / О. В. Зубарева // Российский врач. – 2011. – № 1. – С. 85.
3. Клонирование: pro et contra [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian.people.com.cn/200112/03/rus200112_03_53633.html (дата обращения: 22.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Крамур, Г. С. Этико-религиозные проблемы клонирования / Г. С. Крамур, Д. Т. Лодырев, К. В. Фрунин // Проблемы репродукции: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 18 с.
5. Пестрикова, А. А. Статус эмбриона / А. А. Пестрикова // Коллегия адвокатов «Частное право». – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 48 с.
6. Пурге, А. Р. Правовое положение эмбрионов в современной России / А. Р. Пурге // Ежегодный научный журнал. – М.: Издательство Феникс, 2012. – 80 с.
7. Смирнов, А. М. К вопросу о допустимости клонирования человека в контексте реализации соматических прав человека / А. М. Смирнов. – М.: Издательство Норма, 2019. – 85 с.
8. Тепляшин, И. В. Место право и медицины в России / И. В. Тепляшин, Г. Г. Фастович // Государственная власть как элемент управления государством. – 2011. – № 12. – 25 с.
9. Тихонов, А.И. Биомедицинские проблемы / А.И. Тихонов. – Москва: издательство РИОР, 2018. – 94 с.
10. Хэ Цзянькуй и его работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181130/1533952599.html> (дата обращения: 22.10.2021). – Загл. с экрана.
11. Юдин, Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Издательство Наука, 2014. – 80 с.

Поступила в редакцию 07.11.2021 г.

CLONING: MEDICAL AND LEGAL ASPECTS

On the basis of scientific material, to disclose the concept of cloning, to highlight the medical and legal aspects of cloning.

Keywords: reproductive cloning, therapeutic cloning, prohibition of cloning, stem cells, medical approach to cloning issues.

Карпенко Людмила Константиновна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет
ДНР, г. Донецк
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Karpenko Lyudmila

Ph.D. in Law, Associate Professor
of Criminal Law and Process of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Бондарь Никита Александрович

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: anananas2012@yandex.ru

Bondar Nikita

Law Student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: anananas2012@yandex.ru

УДК 343.54

Карпенко Л. К.
Неробова Л. Р.

ФОРМА ВИНЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И СТРАН АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В работе проведен анализ законодательного описания формы вины при совершении насильственных действий сексуального характера, закрепленной в ст. 134 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики и уголовном законодательстве стран англосаксонской правовой системы, для обоснования необходимости изменения отечественного законодательства или отсутствия такой необходимости.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, смежные составы преступления, половая свобода, половая неприкосновенность.

Право на свободу и личную неприкосновенность – это конституционное право, закрепленное в основных законах большинства стран. Оно зафиксировано в ряде документов (Великой хартии вольностей 1215 г., Конституции Франции 1791 г., Конституции США 1787 г. и других), которые предшествовали международным соглашениям, существующим в области прав человека на современном этапе развития общества. Данное право закреплено в статье 15 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и сформулировано следующим образом: «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Эта норма охватывает, в том числе, половую свободу и неприкосновенность, т.е. право человека самому решать – с кем и в какой форме удовлетворять свои сексуальные потребности.

Уголовное законодательство ДНР устанавливает ответственность за совершение преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Так, ст. 134 Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР) предусматривает уголовную ответственность за совершение мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему или к другим лицам, а равно с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. Такое положение закреплено в уголовном законодательстве

© Карпенко Л. К., Неробова Л. Р., 2021

большинства континентальных стран. Существенным образом отличается закрепление уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в уголовном законодательстве стран англосаксонского права, в особенности, различается мнение относительно определения формы вины при совершении данного деяния.

На разный подход относительно уголовной ответственности за половые преступления, кроме прочего, влияют общие особенности, которые отличают англосаксонское право от континентального. Так, англосаксонские страны – типичные представители семьи прецедентного, судейского права, где судьи создают нормы права наряду с законодателями. В свою очередь, особенностями, например, американской правовой системы являются: самобытное социально-экономическое и политическое развитие США, федеральное устройство государства, наличие писаной Конституции США и конституций штатов. В каждом штате существует своё законодательство (отметим, что по общему правилу в федерации существует федеральное законодательство, которое имеет приоритет над региональным и которое регион не может поменять или отменить на своей территории).

Актуальность темы данной научной работы обусловлена тем, что законодательство ДНР находится на стадии формирования. Для его совершенствования важен опыт зарубежных стран (как положительный, так и негативный). Изучение зарубежного законодательства и его сравнение с уголовным законодательством ДНР позволяет выявить определенные недостатки, противоречия существующих норм для дальнейшего совершенствования уголовно-правового воздействия, направленного против половых преступлений.

Насильственные действия сексуального характера как преступление, имеющее уже длительную историю существования, разносторонне изучалось в уголовно-правовой науке. Базой исследования являются теоретические наработки Н. А. Головановой, А. В. Наумова, А. И. Рарога, А. М. Смирнова, в которых рассматривается характеристика обязательных и факультативных элементов субъективной стороны насильственных действий сексуального характера, их правовая регламентация в законодательстве Великобритании, Соединенных Штатов Америки (далее – США) и других стран англосаксонской правовой системы. Несмотря на широкое изучение темы научной работы, существуют вопросы, которые станут предметом рассмотрения в данной статье.

Целью данной работы является сравнительный анализ законодательного закрепления насильственных действий сексуального характера в ДНР и странах англосаксонской правовой системы, а именно определение формы вины и характеристика других элементов состава преступления для обоснования необходимости изменения законодательства ДНР или отсутствия такой необходимости.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: охарактеризовать субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 134 УК ДНР; проанализировать возможность совершения насильственных действий сексуального характера с неосторожной формой вины; изучить особенности закрепления уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в законодательстве США и Великобритании.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 134 УК ДНР, характеризуется прямым умыслом, т.е. лицо осознает общественно опасный характер действия или бездействия, предвидит его общественно опасные последствия и желает их наступления. Субъект преступления должен понимать, что совершает сексуальные действия против или помимо воли пострадавшего (пострадавшей), путем подавления воли потерпевшего (потерпевшей) с применением физического насилия или угрозы его применения, или с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), неспособного защитить себя или объяснить свою волю, и желает удовлетворить свое половое влечение таким образом [1].

В соответствии с современными законоположениями США ответственность за изнасилование наступает, если оно совершено, помимо традиционного способа, путем анального или орального проникновения, а также введением в генитальное или анальное отверстие какого-либо предмета и, кроме того, путем умышленного (намеренного) прикосновения к интимным частям тела потерпевшего лица с целью получения полового удовлетворения или возбуждения [2, с. 480]. Таким образом, статья, закрепляющая уголовную ответственность за сексуальное насилие, включает как насильственные действия сексуального характера, так и изнасилование.

В США и некоторых других странах англосаксонской правовой системы насильственные действия сексуального характера (изнасилование) могут быть совершены по неосторожности, если лицо вступает в сексуальную связь с женщиной (мужчиной), поведение которой (которого) оно неосмотрительно приняло за согласие [3, с. 320]. Таким образом, любой, кто вступает в сексуальный контакт с человеком, будет виновен в уголовном преступлении, если он не получит вербального согласия или поведения, явно указывающего на согласие.

Данная форма вины относительно половых преступлений не рассматривается в законодательстве континентальной системы права. В ДНР и многих других странах считается, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера могут быть совершены только с прямым умыслом. А. И. Рарог в своей работе «Квалификация преступлений по субъективным признакам» указывал относительно формальных составов преступлений (к числу которых относится и насильственное действие сексуального характера) следующее: «признаком объективной стороны в

таких преступлениях, воплощающим общественную опасность деяния во всех случаях является само запрещенное законом действие или бездействие... поэтому... волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самому общественно опасному деянию... и всегда заключается в желании совершить общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом» [4, с. 86].

Приверженцы необходимости введения неосторожной формы вины по отношению к изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера в странах континентальной системы права приводят в пример следующий случай совершения изнасилования по небрежности. Женщина из-за личных опасений не желала проникновения полового члена во влагалище, но разрешала своему партнеру вводить пенис лишь *vestibulum vagin* (преддверие влагалища) или *labia pudenda* (половые губы). Внезапно мужчина почувствовал судорогу в ноге и дернулся в сторону, случайно совершив проникновение [5, с. 456]. Поскольку женщина не давала согласие на половое сношение, допускала половой акт исключительно в иной форме, то в действиях мужчины наличествуют признаки для квалификации преступления, как изнасилования, однако прямого умысла нет. Если признать, что прямой умысел является неотъемлемым признаком изнасилования или насильственных действий сексуального характера, тогда в рассмотренном выше казусе не обнаружится состав преступления. Отметим, что УК ДНР не содержит понятие «согласие потерпевшего» в той форме, в которой его определяют в законодательстве, например, Великобритании. Описанный казус (основываясь на уголовном законодательстве ДНР) не содержит состава преступления по причине отсутствия насилия или угрозы его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). «Согласие потерпевшего» в отечественном понимании раскрывается по-иному: каждый из трех альтернативных действий при совершении преступления предполагает отсутствие согласия на половое сношение, т.е. деяние совершается вопреки воле потерпевшего (потерпевшей) и виновный это осознает.

В действующем законодательстве ДНР закрепление уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера путём обмана отсутствует. В свою очередь, уголовное законодательство англосаксонской правовой системы содержит норму об уголовной ответственности за сексуальные преступления, при совершении которых обвиняемый умышленно обманул жертву.

В некоторых штатах США одним из способов насилия считается введение жертвы в обман или использование зависимого положения последнего от виновного при совершении сексуальных действий.

Отметим, что законодательство ДНР не считает обман проявлением насилия, следовательно, уголовная ответственность за такое деяние не предусмотрена. Не исключается признание обмана со стороны виновного лица, как факта изнасилования, когда таким способом потерпевший (потерпевшая) вводится в заблуждение относительно фактических обстоятельств. Например, женщина, обманывается в личности, принимая виновное лица за другого брата-близнеца, с которым она желала совершить действия сексуального характера, и считала, что совершает это с ним. Такой обман можно приравнять к беспомощному состоянию женщины, поскольку она лишена возможности сопротивляться [7, с. 108].

В ст. 76 Закона о сексуальных преступлениях 2003 года Великобритании [6] установлена конечная (непоколебимая) презумпция, в соответствии с которой считается, что согласия не было, когда обвиняемый умышленно обманул жертву преступления относительно природы или цели соответствующего действия. Следовательно, в данном случае виновный подлежит уголовной ответственности. Законодатель исходит из того, что при обмане половое сношение также совершается помимо воли потерпевшего.

Исходя из вышеуказанного, в вопросе формы вины при насильственных действиях сексуального характера законодательство ДНР и стран англосаксонской правовой системы имеют существенные отличия. Это объясняется, в том числе, различием уровня правовой культуры и правового воспитания. Понятие насильственных действий сексуального характера понимается по-разному. Уголовное законодательство ДНР выделяет два состава преступления: изнасилование (ст. 133 УК ДНР) и насильственные действия сексуального характера (ст. 134 УК ДНР). Законодатели большинства англосаксонских стран не выделяют эти деяния в два отдельных состава. Уголовное законодательство некоторых штатов США и Великобритании считают половой акт с проникновением без согласия жертвы и без применения силы виновным преступлением. Такое преступление считают совершенным по неосторожности.

В свою очередь, УК ДНР закрепляет уголовную ответственность только при использовании беспомощного состояния потерпевшего, применения насилия или угрозы в адрес жертвы или третьей стороны. Понятие «согласие» в уголовном законодательстве ДНР отсутствует. Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК ДНР, содержит четкое определение способов его совершения, поэтому вносить корректировки относительно субъективной стороны нецелесообразно.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: Закон от 19.04.2014 года. Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsouet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty->

- verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 08.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Смирнов, А. М. Общая характеристика половых преступлений по уголовному законодательству США / А. М. Смирнов // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 8(24). – С. 479–482.
3. Основные концепции современного уголовного права / под ред. А. В. Наумова, Дж. Флетчера. – М.: Юрист, 1998. – 512 с.
4. Парог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Парог. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.
5. Борха, С. С. Форма вины в изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. В 3 ч. Ч. 3: XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) под ред. В. Н. Синюкова. – 2018. – С. 456–458.
6. Sexual Offences Act 2003. Legislation.gov.uk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/2003/42/contents>. (дата обращения: 20.10.2021). – Загл. с экрана.
7. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. Ред. В. М. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 371 с.

Поступила в редакцию 08.11.2021 г.

THE FORM OF GUILT WHEN COMMITTING FORCED ACTS OF A SEXUAL NATURE: A COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE COUNTRIES OF THE ANGLOSAXON LEGAL SYSTEM

This paper analyzes the legislative description of the form of guilt in the commission of violent acts of a sexual nature enshrined in Article 134 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic and the criminal legislation of the countries of the Anglo-Saxon legal system to justify the need to change domestic legislation or the absence of such a need.

Keywords: rape, violent acts of a sexual nature, related corpus delicti, sexual freedom, sexual inviolability.

Карпенко Людмила Константиновна
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Karpenko Lyudmila
Ph.D. in Law, Associate Professor of
Criminal Law and Process of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Неробова Людмила Руслановна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: milochka1008@gmail.com

Nerobova Lyudmila
Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: milochka1008@gmail.com

УДК 34.037

Ковалёв И. П.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В работе рассмотрены теоретические подходы к пониманию защиты гражданских прав в Донецкой Народной Республике; произведен анализ законодательства ДНР, касающегося данной категории; установлены и проанализированы проблемные аспекты регламентации конкретных форм и способов защиты гражданских прав в ДНР; рассмотрены теоретические подходы к выбору наиболее эффективных форм и способов защиты прав.

Ключевые слова: защита прав; форма защиты гражданских прав; способ защиты гражданских прав; самозащита; возмещение убытков.

Актуальность темы настоящего исследования заключается в необходимости определения понятия «защита права» в современных условиях с целью определения наиболее эффективных средств, форм и методов защиты личных прав и свобод граждан исходя из анализа цивилистических теорий к пониманию данной сферы общественных отношений. Помимо этого, актуальным является рассмотрение проблемы соотношения материально-правового и процессуально-правового подходов к пониманию защиты права вследствие того, что многими исследователями данное разделение оценивается как нецелесообразное, приводящее к необъективности и неполноте разрешения гражданских дел, и, как следствие, несовершенной защите прав.

Исследованию проблем защиты гражданских прав в современном обществе посвящено множество работ ученых, среди которых: Е. В. Измайлова, С. А. Морозов, В. В. Богдан, С. А. Кудря.

Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные и гарантированные Конституцией Донецкой Народной Республики, являются высшей ценностью современного общества. Это подразумевает под собой тот факт, что государство путём использования всех возможных средств и механизмов обязано создать и обеспечить эффективно работающую систему, направленную на защиту гражданских прав и свобод человека и гражданина.

Субъективное гражданское право, по мнению ученого-юриста Богдан В. В., определяется как, так называемая, «триада» правомочий: во-

первых – это права на собственное поведение; во-вторых – права на чужое поведение (например, право требования чего-либо); в-третьих – право на защиту (возможность лица в необходимых случаях прибегнуть к силе государственного принуждения в целях восстановления и защиты его нарушенного права) [6, с. 99].

К рассмотрению данной формулировки «защиты прав» актуальным будет высказывание советского юриста В. П. Грибанова о том, что право, предоставленное лицу, но не обеспеченное необходимыми средствами защиты, является лишь декларативным правом, то есть, по сути своей, формальностью [6, с. 99].

По этой причине гражданское право, как и любая другая отрасль права, является реальным только в том случае, если оно может быть защищено от посягательств и нарушений, то есть может быть реализовано принудительно. Помимо этого, нельзя не учесть мнение Н. П. Асланян касаясь того, что в настоящее время существует две основные проблемы разработки теории «защиты гражданских прав»: первая – проблема основания теории, вторая – проблема содержания теории, что, в свою очередь, указывает на тот факт, что рассматриваемый в данной работе вопрос – это всего лишь массив высказанных по данной проблеме точек зрения, не являющаяся какой-либо концептуальной системой [7, с. 7].

И в самом деле, многочисленные дискуссии о понимании «защиты гражданских прав» не привели к формулированию четкого определения данной сферы общественных отношений, которое в полной мере бы отражало все его признаки непротиворечивым образом. В законодательных актах Донецкой Народной Республики, при этом, довольно часто встречаются формулировки касаясь защиты прав и свобод человека и гражданина, указывая на то, что это является неотъемлемым признаком существования государства в принципе. Данная особенность прослеживается при анализе множества законодательных актов, среди которых: Конституция ДНР, устанавливающая, что: «...Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики...» (ст. 3 Конституции ДНР), «В Донецкой Народной Республике гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина» (ст. 38 Конституции ДНР), «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 39 Конституции ДНР), и тому подобное [1]; Закон ДНР «О защите прав потребителей, устанавливающий в п. 1 ст. 5 факт того, что государство обеспечивает потребителям защиту их прав [2]; Гражданский кодекс ДНР, регламентирующий конкретный порядок судебной защиты гражданских прав, способы их защиты, а также порядок защиты прав различных категорий лиц [4]. Однако, несмотря на то, что защита прав и свобод является крайне важным аспектом деятельности государственных

органов, непротиворечивое и «всеобъемлющее» определение понятия «защита прав» ни в одном законодательном акте ДНР не представлено.

Определения понятия «защита прав», сформулированные в теоретических источниках, характеризуются в большинстве своём разносторонностью и противоречивостью. В зависимости от субъективного мнения автора конкретной теории понимания рассматриваемого вопроса, в таких формулировках делается акцент на следующие характерные черты защиты права: на способы и меры, избираемые при осуществлении защиты; на деятельность органов, непосредственно осуществляющих такую защиту; на различные функции права; на правовую возможность защиты; на совокупность норм, регулирующих отношения по защите прав. В связи с этим, рядом ученых-юристов были выделены 3 основных подхода к пониманию категории «защиты права»: «теория мер», «теория функций», «теория деятельности» [7, с. 7].

Всё же, основными в понимании определения «защита права» данные теории считать нельзя ввиду того, что они на данном этапе не являются самостоятельными, однако могут быть использованы как отправные точки для рассмотрения исследуемого в данной работе вопроса. Прежде, чем раскрывать сущность перечисленных ранее теорий, стоит отметить, что существующие точки зрения к пониманию категории «защита права» стоит рассмотреть с двух сторон: со стороны субъекта, нуждающегося в защите, и, соответственно, со стороны субъекта, без которого защита права не может быть осуществлена (государственные органы, должностные лица, тому подобное). Это обосновывается тем, что термины «защита», «защищаться» в толковых словарях традиционно понимаются в двух значениях: защищать кого-либо (что-либо), и обеспечивать защиту (выступать, в данном понимании, субъектом защиты права). Эти данные, казалось бы, лежащие на поверхности, имеют существенное значение для дальнейшего исследования. Помимо этого, ещё одним важным аспектом, имеющим значение для наиболее объективного изучения вышеуказанных теорий, является утверждение о том, что защита субъективного права должна пониматься в двух направлениях: материальном и процессуальном [7, с. 8].

Первым рассматриваемым взглядом к пониманию категории «защиты права» является «теория мер». Среди ученых, формулирующих определение исследуемого аспекта через понятие «меры защит» выделяют А. П. Сергеева, М. К. Сулейменова, Е. М. Тужилова-Орданскую, Ю. Г. Басина, А. Г. Диденко. С определенными нюансами «защита права» понимается данными исследователями как предусмотренная законом система мер, направленная на обеспечение неприкосновенности права, восстановление нарушенного права, признание права и пресечение действий, нарушающих права и интересы. Стоит отметить, что указанные меры без деятельности по их

применению являются лишь формальными указаниями законодательных актов, закрепляющих их. Перечисление мер в нормах права, как и фиксация общего правила о возможности их использования, являются только публичным признанием государственной поддержки права на защиту. При этом речь идет не только о деятельности органов, наделенных полномочиями по их применению, ввиду того, что неотъемлемым аспектом защиты прав является и непосредственная деятельность лица, нуждающегося в защите. Это обусловлено тем, что фактическое применение мер защиты невозможно без инициативы участников гражданско-правовых отношений. Инициатива, в свою очередь, в общем понимании – это внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость; руководящая роль в каких-либо действиях.

Применительно к рассматриваемой проблематике гражданско-правовых отношений в сфере защиты прав, некоторые ученые, среди которых О. А. Красавчиков, усматривают в инициативности субъектов гражданского права одну из особенностей юридико-фактических оснований возникновения гражданских правоотношений, заключающуюся в том, что «первый шаг» в развитии (становлении) указанных отношений принадлежит, как правило, самим субъектам гражданского права [7, с. 10]. Данная формулировка подразумевает под собой тот факт, что возникновение гражданско-правовых отношений и, как следствие, создание юридических фактов, является «плодом» инициативности самих субъектов гражданских правоотношений.

Следующим рассматриваемым подходом к пониманию защиты права является «теория функций», автором которой следует считать Т. И. Илларионову, представляет собой понимание защиты права как функции права, выражающуюся в охранительном воздействии норм, имеющей целью восстановить право, компенсировать нарушенный интерес, пресечь противоправные действия, препятствующие осуществлению права или обеспечению правопорядка [7, с. 9].

Сущность данной теории выражается в том, что реализация функций права невозможна без активных действий лица, нуждающегося в защите, а также без деятельности органов, эту защиту предоставляющих. Ввиду этого некоторыми исследователями в области права установлено, что о функциях права можно говорить лишь в том случае, если иметь ввиду, что за ними стоят реально действующие субъекты гражданских правоотношений. Говоря иными словами, данная теория подразумевает, что именно через действия конкретных людей, их коллективов и организаций выражается конструктивный характер права, его собственная и инструментальная ценность. Исходя из этого, описанная «теория функций» к пониманию защиты права в конечном итоге отталкивается от конкретной деятельности субъектов отношений по защите путем применения мер защиты,

определённых законом, что указывает на необъективность и отсутствие всесторонности данной трактовки исследуемого вопроса ввиду того, что защита права в данном случае рассматривается лишь как «деятельность», оставляя вне внимания все остальные признаки изучаемой категории. Ввиду этого, данный подход не может быть ни самостоятельной теорией, ни основополагающим фактором к определению понятия «защиты права», однако может быть одним из элементов раскрытия сущности рассматриваемого аспекта.

Крайним среди рассматриваемых подходов к пониманию «защиты права» является «теория деятельности». В данном случае деятельность определённых органов государственной власти направлена на применение конкретных мер защиты права, содержащихся в законе и, что немаловажно для гражданского права, такие меры могут быть выбраны лицом, непосредственно нуждающимся в защите. В частности, суд не вправе устанавливать для истца формулировку исковых требований, выбранный способ защиты, а разрешают возникший спор в рамках тех мер, которые и были избраны истцом. Тем не менее, нельзя отрицать, что «теория деятельности» сфокусирована на процессуальных особенностях функционирования органов, наделенных компетенцией по разрешению конфликтных ситуаций. При этом фактически все ученые-процессуалисты отмечают безусловную связь рассматриваемого вида деятельности с материально-правовым аспектом. Защита права, при этом, имеет целью фактическое восстановление нарушенного права и законного интереса или предотвращение угрозы нарушения такового. Достижение данной цели возможно только при активной деятельности участников отношений по защите: защищаемого субъекта и субъекта, обеспечивающего защиту, что было установлено ранее. По нашему мнению, исходя из вышеизложенного, именно деятельность участников отношений является центральным признаком, который должен быть отражен в его понятии. Однако не стоит оставлять без внимания и критику, выраженную в юридической литературе, в отношении рассматриваемой теории понимания защиты прав. Так, А. В. Милькова отмечает тот факт что защита права в качестве понятия не может определяться как деятельность, хотя в рамках того или иного аспекта частной научной теории защиты вполне можно рассматривать и деятельность юрисдикционных органов или иных уполномоченных на то субъектов, осуществляющих такую защиту [7, с. 11].

Ввиду проведённого анализа и сформулированного определения «защита права», видим целесообразным рассмотреть вопрос, касающийся исследования форм и способов защиты гражданских прав в Донецкой Народной Республике. Понятие форм защиты права, при этом, также законодательными актами не регламентировано, а в научных источниках

мнения по поводу определения данного понятия аналогично разнятся. Так Е. А. Суханов отмечает, что форма защиты гражданского права – это процессуальный и процедурный порядок, установленный для применения определенного способа защиты. В свою очередь другой учёный-юрист, И. Б. Живихина, определяет формы защиты прав как комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективного права, осуществляемый уполномоченными органами либо носителями права, направленный на восстановление нарушенного права [6, с. 101].

Суть юрисдикционной формы защиты гражданских прав выражается в том, что субъект, права и законные интересы которого были нарушены неправомерными действиями другого лица, обращается за защитой к государственным или иным компетентным органам, которые уполномочены принять необходимые меры для восстановления нарушенного права и пресечения правонарушения. В связи с этим, согласно ст. 12 Гражданского кодекса ДНР, в юрисдикционной форме защиты выделяют следующий порядок защиты гражданских прав лица: общий (судебный) порядок; специальный (административный) порядок защиты гражданских прав [4].

Ввиду этого, перед субъектами, чьё право было нарушено, возникает вопрос о выборе одной из форм защиты своего права. Здесь следует отметить, что универсальной формой защиты гражданских прав является судебная защита, осуществляемая в ДНР судами общей юрисдикции, а также арбитражным судом. Это обусловлено тем, что судебный порядок защиты гражданских прав основан на принципах состязательности и гласности судебного разбирательства, характеризуется «несвязанностью» суда административными решениями, а также возможностью требования обоснованности и мотивированности судебного решения со стороны истца. При этом, лицо, воспользовавшееся любой другой формой защиты своих прав, как самозащитой, так и административной формой защиты права, имеет возможность осуществить защиту своих прав и в судебном порядке, поскольку вышеуказанные формы являются факультативными способами защиты гражданских прав по сравнению с судебной формой защиты.

Проанализированные научно-теоретические данные, касающиеся определения существующих форм защиты гражданских прав, указывают на необходимость исследования конкретных способов защиты таких прав в Донецкой Народной Республике с целью наиболее полного и объективного понимания порядка осуществления исследуемого аспекта. В очередной раз следует отметить тот факт, что, несмотря на непосредственное закрепление перечня возможных способов защиты прав и интересов личности в Гражданском кодексе ДНР, конкретное определение понятия способов защиты в законодательной базе ДНР отсутствует, ввиду чего следует обратиться к теоретическим источникам. Так, по мнению ученого

Кудря С. А., способы защиты прав определяются как средства воздействия на общественные отношения с целью восстановления нарушенных или оспариваемых прав [8, с. 81].

Богдан В. В. трактует понятие способов защиты как меры, при помощи которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение либо устранение нарушений права, восстановление нарушенного права и компенсация потерь, вызванных его нарушением [6, с. 102].

Статья 13 Гражданского кодекса ДНР устанавливает перечень способов защиты гражданских прав и интересов, устанавливая 12 возможных вариантов защиты лицом своих нарушенных прав [4].

Следует обратить внимание на то, что ученые-юристы, классифицируя данные способы по сфере их применения, разделяют их на универсальные (общие), непосредственно установленные ст. 13 ГК ДНР, и специальные, регламентированные иными нормами гражданского законодательства. Однако следует отметить, что на практике данное разделение является не более чем условным, поскольку не все универсальные способы защиты на самом деле являются таковыми. Так, например, взыскание неустойки, признание оспоримой сделки недействительной, присуждение к исполнению обязанности в натуре возможны только для защиты обязательственного, а не вещного права. При этом, ряд часто используемых способов защиты прав прямо в ст. 13 ГК ДНР не указан.

По данному поводу уместно высказывание Красновой С. А. касаясь того, что деление способов защиты на универсальные и специальные не отражает действительных связей между способами, вошедшими и не вошедшими в ст. 13 ГК ДНР. Согласно другой классификации, представленной И. А. Сушковой, способы защиты права по видам прав, подлежащих защите, распределены на: вещные права (признание права; истребование имущества из чужого незаконного владения), права из обязательств (отказ от исполнения договора, взыскание неустойки), исключительные права (защита прав из лицензионных договоров), корпоративные права [6, с. 102]. Однако многими учеными обе из представленных классификаций критикуются ввиду того, что разделение способов защиты гражданских прав по сфере их применения (универсальные и специальные), по их мнению, не имеет практической ценности, так как выбор способа защиты во многом зависит непосредственно от сущности защищаемого права. Касаясь же классификации по виду защищаемого права – в отношении неё критика заключается в том, что данная классификация характеризуется неполнотой перечисленных защищаемых прав и интересов лица. В связи с этим видим целесообразным проанализировать некоторые из установленных ст. 13 ГК ДНР способов защиты права, в которых усматриваются определенные проблемные аспекты;

проанализировать виды защищаемых прав с целью дополнения последней из перечисленных выше классификаций.

Первым анализируемым способом защиты гражданских прав, регламентируемом п. 1 ч. 1 ст. 13 ГК ДНР, является признание права. Данный вариант защиты прав человека был известен ещё со времен действия римского частного права, и, соответственно, после его рецепции, данный способ защиты был закреплён в правовых системах многих европейских государств. Рассматриваемый способ применяется традиционно с целью защиты вещных прав, однако, стоит отметить, что иск о признании права может использоваться и для защиты некоторых прав, возникших из обязательств. По мнению С. А. Кузнецова такой вариант защиты обязательственного права будет эффективен в том случае, если право ещё не было нарушено [7, с. 103].

Так, к примеру, в случае, когда срок исполнения обязательства еще не наступил, должник оспаривает существование самого обязательства, срок его исполнения, либо выражает несогласие с какими-либо его условиями, что, непосредственно, и является способом защиты в виде признания права. В то же время рассматриваемый способ защиты гражданских прав не стоит отождествлять с частными способами приобретения права собственности, например признание права собственности на самовольную постройку, поскольку в таком случае данное право приобретается, а не признается.

Вторым анализируемым способом защиты прав, закрепленным в п. 2 ч. 1 ст. 13 ГК ДНР, является восстановление положения, существовавшего до нарушения права и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Проблематика рассмотрения данного способа защиты заключается в том, что формулировка «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» некоторыми учеными, среди которых: Д. Н. Латыпов, В. В. Акинфиева, К. И. Скловский, критикуется ввиду несамостоятельности данного варианта защиты прав [6, с. 103].

Следующим анализируемым «проблемным» способом защиты гражданского права является самозащита. Актуальность упоминания данного варианта защиты заключается в том, что, исходя из уже рассмотренного в работе теоретического материала, данный «способ» защиты гражданских прав как таковым и не является ввиду того, что обладает всеми признаками формы защиты права. Данный «способ» защиты прав отдельно регламентирован ст. 15 ГК ДНР, которая в ч. 2 устанавливает, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Ввиду этого прослеживается некоторое противоречие в том, что самозащита, сама по себе являясь непосредственным способом защиты прав, также в свою очередь допускает

выбор конкретного способа самозащиты, в том числе из перечисленных в ст. 13 ГК ДНР, что является ещё одним аргументом к позиции, что данный «способ» является формой защиты прав, и, соответственно, её закрепление в ст. 13 ГК ДНР является ошибочным.

Исходя из вышеизложенного материала, анализа теоретических источников и нормативно-правовой базы, регулирующей порядок защиты гражданских прав в Донецкой Народной Республике, стоит сделать вывод о том, что в настоящее время понятие «защита гражданских прав», ввиду того, что формально оно не закреплено ни в одном нормативном акте, имеет неоднозначный и противоречивый характер. Исходя из подходов к пониманию данной категории, перечисленных в основном содержании настоящей работы, наиболее объективным стоит считать следующее понятие защиты прав: защита права – это совокупность действий уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, а также инициативных действий лица, чьи права были нарушены, направленная на восстановление нарушенного права и законного интереса или предотвращение угрозы нарушения такового путём использования форм и способов, установленных законом.

На фоне рассмотренного понятия защиты прав, аналогично были проанализированы конкретные формы и способы защиты гражданских прав в ДНР. Ввиду этого, было установлено, что наиболее эффективным и универсальным, в большинстве случаев нарушения прав человека, является судебная форма защиты гражданских прав. Касаясь способов защиты – исходя из анализа перечисленных в ст. 13 ГК ДНР возможных способов защиты гражданских прав, было выделено несколько проблемных аспектов, касающихся конкретных способов защиты. Так, например, закрепленная в п. 6 ч. 1 ст. 13 ГК ДНР, а также отдельно регламентированная в ст. 15 ГК ДНР, самозащита права, способом, как таковым, сама по себе не является, выступая в данном случае формой защиты гражданских прав. Исходя из этого был сделан вывод о том, что закрепление данного «способа» в ст. 13 ГК ДНР является нецелесообразным.

Ещё одним рассмотренным актуальным аспектом в настоящей работе является непосредственный выбор лицом наиболее эффективного и оптимального способа защиты его нарушенного гражданского права. Исходя из рассмотренных подходов, стоит сказать, что выбор способа защиты не может иметь произвольный (субъективный) характер, а должен основываться на признаках, указанных в объективном подходе выбора способа защиты права, так и на обстоятельствах, установленных законом или договором.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. (с изм. от 06.03.2020 г.) / Официальный сайт

- Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 12.11.2021). – Загл. с экрана.
2. О защите прав потребителей: Закон ДНР № 53-ІНС от 05.06.2015 года / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/> (дата обращения: 08.11.2021). – Загл. с экрана.
3. О противодействии терроризму: Закон ДНР № 46-ІНС от 15.05.2015 года / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-protivodejstviyu-terrorizmu/> (дата обращения: 08.11.2021). – Загл. с экрана.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 30.11.2021). – Загл. с экрана.
5. Морозов, С. А. Защита гражданских прав / С. А. Морозов, В. В. Богдан // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 8. – С. 108–113.
6. Морозов, С. А. Защита гражданских прав в современной России / С. А. Морозов, В. В. Богдан // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 8. – С. 99–107.
7. Измайлова, Е. В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию / Е. В. Измайлова // Пролог: журнал о праве. – 2018. – № 2. – С. 7–13.
8. Кудря, С.А. Общие и специальные способы защиты гражданских прав / С. А. Кудря / Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1(20). – С. 80–83.

Поступила в редакцию 19.10.2021 г.

REGULATION OF THE ORDER OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This work examines theoretical approaches to understanding the protection of civil rights in the Donetsk People's Republic; the analysis of the legislation of the DPR related to this category was made; identified and analyzed the problematic aspects of the regulation of specific forms and methods of protecting civil rights in the DPR; theoretical approaches to the selection of the most effective forms and methods of protection of rights are considered.

Keywords: protection of rights; form of protection of civil rights; a way to protect civil rights; self-defense; compensation for damages.

Ковалёв Игорь Павлович

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

Kovalev Igor

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Process of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

УДК 347.9

Ковалёв И. П.

МЕДИАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В работе рассмотрено проведение процедуры медиации в гражданском процессе ДНР, а именно: дано понятие процедуры медиации, раскрыта её суть; определено, кто является медиатором; рассмотрены принципы производства данной процедуры; на примере анализа правового регулирования процедуры медиации в РФ, были определены наиболее проблемные аспекты данной темы применительно к ДНР. По итогу проведенного исследования были сделаны выводы о том, что регулирование процедуры медиации в ДНР требует доработки ввиду отсутствия закона, непосредственно регулирующего данный вид деятельности, а также определены аспекты, которые должны присутствовать в данном законе, касаясь ответственности медиаторов, обязательности профессиональной квалификации медиатора, а также вопроса об образовании медиаторов.

Ключевые слова: правовой конфликт, спор, медиация, медиатор, принципы процедуры медиации.

Актуальностью темы настоящего исследования является обширное исследование института медиации в гражданском процессе с принятием нового Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, а также определение значимости и эффективности исследуемого аспекта в правовом поле нашего государства. Ввиду этого, основной целью данной работы является анализ нормативно-правовой базы, регулирующей институт медиации, как в ДНР, так и в зарубежных странах, а также формулирование путей разрешения проблем в нормативно-правовом регулировании исследуемого аспекта. Соответственно, для достижения поставленной цели в ходе проведения настоящего исследования необходимо разрешить следующие задачи: определить сущность и понятие правового конфликта в целом; рассмотреть виды примирительных процедур, предусмотренных действующим законодательством ДНР; привести определение понятия медиация, раскрыть его сущность, а также определить, кем является медиатор; рассмотреть основополагающие принципы медиации; провести правовой анализ нормативно-правового регулирования процедуры медиации на примере ДНР и Российской Федерации.

Исследованию настоящей темы посвящены множество работ таких учёных как Станкевич Г. В., Шеянов В. С., Салимзянова Р. Р.,

© Ковалёв И. П., 2021

Абдулкадыров У. У., Калентьева Т. А. и других ученых, однако в большинстве своём исследователи рассматривают проблемы процедуры медиации на примере анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации. В ДНР же исследованию проблем медиации посвящены работы Разбейко Н. В., Манивлец Э. Е. и Бирючкова Н. В., однако данные научные труды были опубликованы до вступления в силу Гражданско-процессуального кодекса ДНР, регулирующего исследуемую в настоящей работе процедуру, ввиду чего актуальность изучения регулирования медиации в Донецкой Народной Республике с обновлением нормативно-правовой базы лишь возросла.

Конфликт в жизни современного индивидуума занимает ключевую роль, являясь как средством развития, так и причиной регресса многих аспектов деятельности человека. Так, в научных кругах под правовым конфликтом понимают противоборство субъектов права с противоположным пониманием и действиями по отношению к нормам права с целью изменения своего юридического статуса [1, с. 378].

Ввиду этого, со стороны субъекта, участвующего в таком конфликте, немаловажным является выбор способа его разрешения, либо же определение конкретной примирительной процедуры, по итогу приводящей к разрешению спора. Так, новым Гражданско-процессуальным кодексом ДНР, а именно ст. 156, предусмотрены следующие виды примирительных процедур: проведение переговоров; посредничество, в том числе медиация; судебное примирение, или же использование других примирительных процедур, если это не противоречит закону [2]. Исходя из уже приведённой проблематики темы настоящего исследования, видим целесообразным более подробно рассмотреть именно процедуру медиации как один из способов разрешения правовых конфликтов.

По своей сути понятие «медиация» происходит от латинского слова *mediare*, что означает «посредничать» [1, с. 378]. В современном правовом поле медиация – это внесудебный способ урегулирования спора, представляющий собой процедуру примирения субъектов правового конфликта путём их вступления в добровольные переговоры при участии третьей незаинтересованной стороны – медиатора (посредника), непосредственно оказывающего содействие в урегулировании спора [3, с. 217].

Медиатор же, в свою очередь – это независимое физическое лицо, которое стороны привлекают в качестве посредника в урегулировании конфликта для содействия в выработке сторонами конкретного решения по существу возникшего между ними спора [4]. Целью деятельности медиатора, в первую очередь, является оказание помощи сторонам в урегулировании правового конфликта, а также обеспечение восстановления субъективной справедливости.

При этом возникает вопрос об основополагающих принципах, используемых медиаторами в ходе осуществления своей деятельности. Принципы медиации, по мнению К. А. Шумовой, это основополагающие начала, идеи, морально-этические нормы, а также процессуальные основы конструктивного взаимодействия сторон медиативного процесса, соблюдение и применение которых гарантирует субъектам, участвующим в процедуре медиации, урегулирование спора и возможность построения дальнейших правоотношений [5, с. 80]. Статья 3 Федерального закона РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», устанавливает следующие принципы, на основе которых осуществляется процедура медиации: добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора [4]. Данные принципы являются основополагающими началами, которые служат базисом для осуществления процедуры медиации в отечественной правовой действительности и рассматриваются как исходные начала правового регулирования института медиации в целом. Однако рассматриваемым Законом, а именно в ст. 12, предусмотрены принципы, регулирующие отдельный элемент процедуры медиации – исполнение медиативного соглашения. Так, в соответствии с данной статьёй, медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Ввиду такого «распределения» принципов видим целесообразным отметить, что принципы, указанные в ст. 12 Закона о медиации, нельзя отнести к принципам процедуры медиации в целом, поскольку, исходя из положений ст. 14 рассматриваемого Закона, заключение сторонами медиативного соглашения является одним из оснований прекращения процедуры медиации. То есть, по сути, исполнение медиативного соглашения выходит за рамки процедуры медиации, поскольку с момента подписания медиативного соглашения процедура медиации считается завершённой. Ввиду этого, мнение исследователей, относящих принципы, указанные в ст. 12 Закона о медиации, к общим принципам процедуры медиации, является ошибочным. Исходя из вышеизложенного, стоит обратить внимание на классификацию принципов процедуры медиации, приведённую Т. С. Елисеевой, которая дифференцировала их по критерию объекта воздействия того или иного правового принципа на следующие группы: принципы процедуры медиации; принципы деятельности посредника (медиатора); принципы исполнения медиативного соглашения [6, с. 45]. Стоит отметить, что данная точка зрения была приведена не столько для совершенствования теоретической базы по исследуемой теме, сколько для акцентирования внимания Законодателя Донецкой Народной Республики на данном вопросе, так как аналогичный

Закону РФ о процедуре медиации, нормативный акт в ДНР отсутствует, и при его создании, возможно, на данный аспект будет обращено внимание, соответственно принципы процедуры медиации будут трактованы Законом ДНР о медиации в ином ключе.

Помимо вышеизложенного материала, касающегося принципов процедуры медиации, хотелось бы также обратить внимание Законодателя на внедрение нового основополагающего принципа медиации – принципа профессионализма, либо же компетентности, медиатора, который в российском Законе о медиации отсутствует. Аналогичный принцип нашёл своё закрепление в пункте 1.1 Европейского кодекса поведения медиаторов, руководствуясь которым «медиаторы должны быть компетентными и иметь необходимые знания в сфере медиации» [7]. Помимо этого, положения вышеуказанного Кодекса обращают внимание на важность надлежащего обучения и постоянного совершенствования теоретических и практических навыков медиаторов. Несмотря на это, в соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона РФ о медиации, медиатор может осуществлять свою деятельность как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе [4]. По нашему мнению, принцип профессионализма является важной гарантией качества и служит цели защиты прав и свобод человека и гражданина при проведении процедуры медиации, ввиду чего возникает необходимость исключить возможность осуществлять процедуру медиации посредниками на непрофессиональной основе, а также законодательно закрепить принцип профессионализма (компетентности) медиатора.

Следующим аспектом настоящего исследования, требующим внимания, является рассмотрение эффективности медиации как процедуры разрешения правовых конфликтов в гражданско-правовой сфере. Ввиду этого видим целесообразным выделить субъективные и объективные составляющие, оказывающие влияние на эффективность проведения процедуры медиации. Так, к субъективной составляющей стоит отнести профессионализм и личностные качества самого медиатора; особенности противоборствующих субъектов; сущность проблемы, по поводу которой возник спор. К объективным элементам относятся качество законодательства, регулирующего рассматриваемую процедуру, а также отношение конфликтующих сторон к данной примирительной процедуре. Рассмотрим вышеперечисленные факторы более подробно.

На положительный исход процедуры медиации большое влияние оказывает непосредственно личность медиатора, его способность установить контакт с каждым из субъектов проводимой процедуры. Посредник должен обладать авторитетом и влиятельностью в глазах спорящих сторон, поскольку первоначальной его целью является установление доверительных отношений между собой и участниками спора, а также установление такой позиции,

чтобы каждая из сторон признавала в медиаторе авторитет и прислушивалась к его словам, так как именно эти элементы и будут играть ключевую роль в достижении требуемого результата.

Таким образом, медиатор в ходе проведения процедуры разрешения конфликта может столкнуться со множеством субъективных проблем, которые требуют определённого профессионализма и опыта специалиста, которые, в свою очередь, формируются при специальной подготовке посредника к своей деятельности. Приведенное мнение касемо рассмотрения субъективной составляющей, оказывающей влияние на эффективность процедуры медиации, является очередным аргументом, обуславливающим необходимость законодательного закрепления принципа профессионализма (компетентности) медиатора в будущем Законе ДНР о медиации, а также исключение возможности участия посредников на непрофессиональной основе.

Объективные составляющие, влияющие на эффективность производства процедуры медиации, являются более сложными в их разрешении. Первый элемент, объективно оказывающий негативное влияние на осуществление процедуры медиации в принципе, является низкий уровень правовой культуры населения. Так, гражданин, предприниматель или же юридическое лицо, скорее станут решать гражданско-правовые споры посредством обращения в государственные органы, нежели с помощью посредника. Участников правовых отношений пугает отсутствие сложившейся практики медиации, ведь гораздо проще сделать что-либо на основе чужого опыта и тем самым избежать трудностей и ошибок. Население попросту не знает, что такое процедура медиации, потому и остерегается ее. Если рассматривать Закон о медиации РФ, то информация о том, как именно проходит процедура медиации и как конкретно медиатор влияет на переговоры, чтобы урегулировать спор и достигнуть определенного соглашения, отсутствует. В этом Законодателя винить нельзя, поскольку проведение процедуры медиации является гибким и динамическим процессом, зависящим от множества уже рассмотренных в данной работе факторов, и вносить в неё элемент государственного контроля или жёсткого процессуального регулирования было бы ошибкой, нарушающей основные принципы медиации, хоть и внесшей ясность в порядок и процесс проведения медиативной процедуры. В таком случае возникает вопрос – откуда среднестатистическому гражданину узнать о существовании такой примирительной процедуры как медиация, и как ему удостовериться в результативности и безопасности её использования для своих интересов? По нашему мнению, наиболее эффективным подходом к решению данной проблемы является задействование средств массовой информации, освещающих суть и основные принципы проведения процедуры медиации путём приведения конкретных примеров использования данного метода

разрешения споров, не забывая упомянуть о преимуществах медиации в сравнении с судебными процессами: экономия времени и материальных средств участников процедуры; разрешение спора в интересах обеих сторон, а не удовлетворение требований только одного субъекта, возможно, даже не в полном объёме; сохранение и улучшение деловых отношений между конфликтующими субъектами. Помимо того, что данная процедура имеет положительный исход для сторон конфликта, она также оказывает и существенное влияние на процесс разгрузки судов от всё большего количества рассматриваемых дел, потому и требует большего развития и качественного внедрения в правовую жизнь государства [8, с. 324].

Вторым объективным аспектом, оказывающим влияние на эффективность проведения процедуры медиации, рассматривая правовое поле ДНР, является проблема нормативно-правового регулирования данного института. Как уже было упомянуто в настоящем исследовании, в Донецкой Народной Республике 30 апреля 2021 года был принят Гражданский процессуальный кодекс, устанавливающий, что процедура медиации в государстве имеет место быть, что подтверждается следующими статьями: п. 5 ч. 1 ст. 150, ст. 156, ст. 158, ст. 160, ст. 184 ГПК ДНР. Однако ГПК ДНР, по сути своей, не является нормативно-правовым актом, непосредственно регулирующим процедуру медиации, поскольку данный документ лишь устанавливает процедуру медиации как один из вариантов исхода судебного разбирательства по гражданским делам (либо же как вариант внесудебного разрешения спора). Исходя из положений статьи 158 ГПК ДНР, стороны вправе воспользоваться процедурой медиации в порядке, установленным ГПК ДНР, а также законом, регулирующим правоотношения в сфере урегулирования спора с участием медиатора [2]. Суть проблемы нормативно-правового регулирования процедуры медиации в ДНР заключается в том, что такой закон на данный момент отсутствует, соответственно, нормативно-правового акта, который четко регламентирует проведение исследуемой процедуры в государстве на данный момент нет. Исходя из положений ст. 431 ГПК ДНР, а именно ч. 11, положения ГПК ДНР, связанные с проведением процедуры медиации, вводятся в действие со дня вступления в силу закона ДНР о процедуре медиации, следовательно, даже те положения ГПК ДНР, которые формально устанавливают существование процедуры медиации – не действуют на текущий момент [2]. Такая ситуация может иметь положительный эффект в том случае, если Законодатель при создании нового закона, регулирующего исследуемую сферу, проведет своеобразную работу над ошибками, взяв за основу уже имеющийся опыт РФ о внедрении процедуры медиации в правовую сферу государства. Наиболее дискуссионные и открытые проблемы Федерального закона РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

(процедуре медиации)» в настоящей работе уже были рассмотрены, однако стоит привести ещё несколько проблем, которые в аналогичном законе ДНР, по нашему мнению, должны быть исправлены. Во-первых, вышеупомянутым законом, по нашему мнению, должна быть предусмотрена ответственность медиатора за нарушение норм профессиональной этики, а также за раскрытие информации, касающейся разрешаемого спора. Во-вторых, в законе должны быть установлены основы образования и квалификации специалистов в сфере медиации, устанавливая многоуровневую систему подготовки специалистов в данной сфере, например, на базе ВУЗов, в форме отдельно созданной дисциплины или факультета.

В заключение настоящего исследования стоит отметить, что процедура медиации в правовой жизни ДНР является крайне важным институтом ввиду высокой эффективности её использования как для сторон конфликта, так и для органов государственной власти, поскольку медиативная процедура является средством снижения нагрузки на суды. Однако, несмотря на большое количество преимуществ данной примирительной процедуры, правовая регламентация её применения требует значительных доработок, что в промежуточный период между фактом принятия ГПК ДНР и закона, регулирующего проведение процедуры медиации в ДНР, является хорошим предлогом для подробного анализа аналогичного закона РФ республиканским Законодателем, а также для исправления ошибок непосредственного применения данного закона в жизнь, которые были рассмотрены в настоящей работе. По итогу, в настоящем исследовании были рассмотрены основополагающие начала процедуры медиации, её суть, принципы и проблемные аспекты, из изучения которых следует сделать вывод о том, что процедура медиации должна проводиться исключительно на профессиональной основе; граждане ДНР должны знать о существовании процедуры медиации, исполнение чего, по нашему мнению, следует возложить на средства массовой информации; в закон ДНР, регулирующий процедуру медиации, необходимо включить принцип профессионализма медиатора (исключить возможность участия посредника на непрофессиональной основе), а также аспект ответственности медиатора за разглашение полученной в ходе проведения процедуры информации.

Список источников

1. Коломытцева, В. В. Медиативный способ урегулирования правовых конфликтов: порядок проведения и некоторые проблемы реализации / В. В. Коломытцева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – С. 378–382. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnyy-sposob-uregulirovaniya-pravovyh-konfliktov-poryadok-provedeniya-i-nekotorye-problemy-realizatsii/viewer> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.

2. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-ПНС (принят Постановлением Народного Совета 30.04.2021) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
3. Сализмьянова, Р. Р. Понятие и сущность медиации / Р. Р. Сализмьянова, Л. Л. Сабирова // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – С. 217–220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-mediatsii/viewer> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ (принят Государственной Думой 7 июля 2010 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
5. Шумова, К. А. Принципы медиации: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: дисс. ... канд. юрид. наук / Кристина Александровна Шумова, науч. рук. О. В. Исаенкова. – Саратов, 2015. – 199 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-11-2015-1d.pdf> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
6. Елисеева, Т. С. Процессуальные аспекты медиации: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: дисс. ... канд. юрид. наук / Т. С. Елисеева, науч. рук. В. Ф. Яковлев. – Москва, 2017. – 180 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mash.dobrota.biz/39yuridicheskie/170348-1-eliseeva-tatyana-sergeevna-processualnie-aspekti-mediatsii.php> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
7. Европейский кодекс поведения для медиаторов от 02.06.2004 (принят на конференции в Брюсселе 2 июня 2004 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mediation-eurasia.pro/wp-content/uploads/2018/04/evropejskij-kodeks-povedenija-dlja-mediatorov.pdf> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.
8. Станкевич, Г. В. Проблемы эффективности медиации при разрешении споров: субъективные и объективные составляющие / Г. В. Станкевич, А. М. Соловьев // Журнал «Научные ведомости». Серия Философия. Социология. Право. – 2018. – № 43(2) – С. 319–324 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnosti-mediatsii-pri-razreshenii-sporov-subektivnye-i-obektivnye-sostavlyayushchie/viewer> (дата обращения: 23.08.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 06.09.2021 г.

MEDIATION IN THE CIVIL PROCESS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This paper considers the conduct of the mediation procedure in the civil procedure of the DPR, for which the goal is set in the form of an analysis of the legal framework governing the institution of mediation in the DPR and the Russian Federation. To achieve this goal, the following tasks were set: to give the concept of the mediation procedure, to reveal its essence; determine who is the mediator; consider the principles of production of this procedure; on the example of the analysis of the legal regulation of the mediation procedure in the Russian Federation, to determine the most problematic aspects of this topic in relation to the DPR.

Based on the results of the study, it was concluded that the regulation of the mediation procedure in the DPR requires revision due to the absence of a law directly regulating this type of activity, and also identified aspects that should be present in this law regarding the responsibility of mediators, the mandatory professional qualifications of a mediator, and See also the question of the education of mediators.

Keywords: legal conflict, dispute, mediation, mediator, principles of mediation procedure.

Ковалёв Игорь Павлович

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

Kovalev Igor

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Process of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

УДК 343.34

Манивлец Э. Е.
Махортов С. П.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, а также эффективные пути законодательного решения указанных проблем. Кроме того, на основании изучения нормативного материала, регулирующего квалификацию преступлений в сфере компьютерной информации в Донецкой Народной Республике, предлагается введение в уголовный кодекс дополнений, и изменений для противодействия преступности в указанной сфере, а также в сфере преступлений с использованием цифровых финансовых активов, криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровые активы; законодательство; уголовная ответственность; цифровая валюта; компьютерная информация; копирование; блокирование; киберпреступность; критическая информационная инфраструктура; противодействие.

Жизнедеятельность современного человека невозможно представить без компьютера. Технологии повышают результативность деятельности людей практически во всех сферах жизни общества: экономике, образовании, науке, здравоохранении, культуре и во многих других. Однако не только положительные моменты характеризуют развитие компьютерных технологий, вместе с тем существует также и огромное количество рисков и опасностей, ведь именно преступники одними из первых начинают использовать последние достижения научно-технического прогресса, проявляя недюжинную изобретательность в организации различного рода противозаконной деятельности. А значит, проблема противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации на сегодняшний день является достаточно актуальной.

Актуальность выбора данной темы обусловлена возможностью постановки и решения проблем противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, что позитивно скажется как на деятельности правоохранительных органов, борющихся с названными преступлениями, но и положительно повлияет на жизнь всего общества.

Согласно статье 2 закона Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), «Об информации и информационных технологиях» информация

представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [1, с. 2].

Компьютерной же информацией, в соответствии с примечанием к статье 317 Уголовного кодекса ДНР, являются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [2, с. 217].

В указанной сфере активно разрабатывали проблематику преступлений с применением компьютерных технологий такие авторы как Вехов В. Б., Волевод А. Г., Ефремова М. А., Евдокимов К. Н., Мазуров В. А., Номоконов В. А., а также множество других.

Цель научной работы – на основе научного и фактического материала определить содержание понятия компьютерной информации, проанализировать проблемы в сфере противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, и разработать определенные пути решения поставленных проблем.

Важно отметить, что преступлениями в сфере компьютерной информации причиняется огромный ущерб, как крупным организациям, так и обычным гражданам. Как отмечает Евдокимов К. Н., действия киберпреступников на сегодняшний день ведут к убыткам крупных организаций в среднем на сумму 20 млн. рублей, предприятий среднего и малого бизнеса – 781 тыс. рублей. В указанную сумму ущерба входит как упущенная прибыль, так и расходы на дополнительные услуги специалистов, и вынужденный простой организации. Достаточно существенные траты влечёт ликвидация последствий преступлений в сфере компьютерной информации, а также профилактика будущих атак [3, с. 65]. Крупные организации выделяют миллионы рублей на предупреждение преступлений с использованием компьютерных технологий [3, с. 72]. В банковской сфере ежегодный объем хищений с использованием компьютерных технологий достигает 2 млрд рублей, тем не менее, многие ученые указанные показатели расценивают как заниженные, а их подсчеты составляют цифру в 3,3 млрд. рублей [4, с. 36].

Следовательно, данное явление представляется достаточно опасным для жизнедеятельности всего общества, так как оказывает влияние практически на все сферы жизни социума, а также причиняет вред не только предприятиям малого и среднего бизнеса, но и наиболее крупным, государственным компаниям.

Кроме того, с появлением новых видов преступлений, например, с использованием цифровых технологий и криптовалюты, процесс противодействий растущей компьютерной преступности лишь многократно усложняется. Данный факт подкрепляется тем, что на сегодняшний день вопрос о цифровых активах (криптовалюте) на рынке ни в коей мере не

урегулирован законодательством ДНР, а Уголовный кодекс ДНР не содержит статьи, которая конкретизировала бы преступления с использованием цифровых активов (криптовалюты). В связи с тем, что с развитием технологического прогресса, развиваются также и преступные средства мошенничества с использованием, как электронных средств платежа, так и компьютерных технологий в целом; важным является урегулирование оборота цифровых финансовых активов на территории ДНР посредством введения уголовной ответственности за нарушение правил использования цифровых финансовых активов, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб.

Вопрос противодействия компьютерной преступности включает в себя множество мер организационного, технического, политического, научного и иного характера. Тем не менее, указанные меры не могут быть эффективно реализованы в связи с отсутствием должного законодательного регулирования, и в первую очередь, со стороны уголовного права. Следовательно, на сегодняшний день вопрос постановки и решения проблем противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации является особо существенным.

Исследование судебной практики согласно рассматриваемой темы позволил отметить одну важную особенность преступлений в сфере компьютерной информации. Рассматриваемые преступления довольно часто выступают способ совершения другого рода преступлений, перечень которых является очень разнообразным [5, с. 8]. Следовательно, важно отразить указанную особенность в уголовном кодексе.

Мы считаем, что данный факт является пробелом в законодательстве, ведь в уголовном законе отсутствует прямое упоминание на обязательность анализа мотивов и целей совершения компьютерных преступлений.

На сегодняшний день составы преступлений, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК ДНР, не содержат в качестве квалифицирующего признака цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Хотя, как показывает практика Российской Федерации, преступления в сфере компьютерной информации, в 9 % случаев являются преступлениями, которые способствуют реализации объективной стороны и извлечения прибыли по отношению к нарушению авторских и смежных прав (ст. 152 УК ДНР). Полученная информация в дальнейшем используется при совершении краж электронных средств (4,5 % случаев), а также различного рода мошенничеств в сфере компьютерной информации (в 6,7 % случаев) [6, с. 156]. Значит, преступления в сфере компьютерной информации достаточно часто выступают способом совершения целого ряда преступлений, а, следовательно, закрепление указанной особенности, как

квалифицирующего признака рассматриваемых составов представляется обоснованным.

Важно отметить, что цель скрыть иное преступление или облегчить его совершение для уголовного права не является новшеством. В качестве примера можно привести п. «ж» ч. 1 ст. 62 УК ДНР, как одного из отягчающих обстоятельств, указанных в Уголовном кодексе, а именно совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Также, законодатель определил указанную цель как квалифицирующий признак в определенных преступлениях в отмеченных случаях: при совершении убийства (п. «л», ч. 2 ст. 106 УК ДНР); а также при подделке, изготовлении или сбыте поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков (ч. 2 ст. 386 УК ДНР).

Следовательно, закрепление данной цели в преступлениях в сфере компьютерной информации, а также связанных с ними, является мотивированным.

На основании изучения главы 28 Уголовного кодекса ДНР, следует отметить, что некоторые положения статей нуждаются в конкретизации. Так, понятия «тяжких последствий», фигурируют в квалифицирующих частях статей главы 28, однако что понимать под названными последствиями пока что не ясно. Представляется обоснованным введение в статью 317 УК ДНР примечания, которое конкретизировало бы понятие «тяжких последствий».

Кроме того, обоснованным представляется дополнение главы 28 Уголовного кодекса ДНР статьей 319.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики. Критической информационной инфраструктурой, в соответствии с частью 6 статьи 2 Федерального закона РФ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», являются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, а также сети электросвязи, которые могут быть использованы для организации взаимодействия указанных объектов [7, с. 3]. Такого рода объектами являются следующие информационные системы: здравоохранения; ракетно-космической и горнодобывающей промышленности; топливно-энергетической комплекса; атомной и металлургической, химической промышленности; банковской сферы и иных сфер финансового рынка; телекоммуникационные системы науки, транспорта, связи; автоматизированные системы военно-промышленного комплекса [7, с. 4].

Из вышеперечисленного следует, что объектами критической информационной инфраструктуры являются наиболее значимые и особо важные объекты информационной инфраструктуры государства, которые необходимо защищать законодательно.

В связи со всем вышеизложенным, следует отметить, что внедрение компьютерных технологий практически во все сферы общества имеют не только положительные, но и отрицательные моменты, так как это создает предпосылки для совершения преступлений. С развитием технологий развиваются также и формы преступной деятельности, следовательно, в данной сфере необходимо совершенствовать нормы законодательства ДНР для дальнейшего противодействия развитию преступной деятельности связанной с компьютерной информацией.

Важным в вопросе противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации является внедрение в Уголовный кодекс ДНР статьи 319.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, следующего содержания:

1. Создание, использование или распространение компьютерной информации (программ), заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, в том числе используемых для уничтожения, блокирования, копирования информации содержащейся в ней, либо для нейтрализации средств защиты указанной информации –

наказываются принудительными работами на срок до четырех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет.

2. Неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Донецкой Народной Республики, в том числе с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, или иных вредоносных компьютерных программ, если он повлек причинение вреда критической информационной инфраструктуре Донецкой Народной Республики, –

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет, либо исправительными работами на срок от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Кроме того, с учётом вышеизложенного, для противодействия преступности с использованием криптовалюты, как одного из новых видов компьютерных преступлений, следует ввести в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики, в главу 28 «Преступления против компьютерной

информации», статью 320 «Нарушение правил использования цифровых финансовых активов», которую целесообразно изложить в следующей редакции:

«Нарушение правил использования цифровых финансовых активов, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок».

Указанная статья устанавливала бы ответственность, если в процессе использования цифровых активов был нанесён существенный ущерб охраняемым законом правам и свободам человека, общества, государства.

Также представляется обоснованным дополнение статьи 317 УК ДНР примечаниями, разъясняющими понятия «тяжкие последствия», которые перечислены в ч. 4 отмеченной статьи. Представленные последствия проявляются в смерти человека или причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, причинении средней тяжести вреда здоровью двух или более потерпевших, в уничтожении, блокировании информации юридических и физических лиц, либо же причинении крупного материального ущерба (свыше 1 млн рублей).

Список источников

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной республики (с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 №35-1/1) // Сборник законодательных актов ДНР №1. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – 200 с.
2. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики № 71-ИНС от 07.08.2015 / Государственная информационная система НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-71-ihc-20150807/> (дата обращения: 15.10.2021). – Загл. }! экрана.
3. Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями / К. Н. Евдокимов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2(24). – С. 62–66.
4. Литвинов, Д. А. Киберпреступность в банковской сфере России: характер, масштабы, последствия / Д. А. Литвинов. – М.: Издательство Норма, 2017. – 87 с.
5. Ястребов, Д. А. Вопросы отграничения неправомерного доступа к компьютерной информации от смежных составов преступлений / Д. А. Ястребов. – М.: Издательство РИОР, 2008. – 245 с.
6. Евдокимов, К. Н. Противодействие компьютерной преступности в Российской Федерации: криминологические и уголовно-правовые аспекты / К. Н. Евдокимов. – Иркутск: издательство ИЮИ (ф) УП РФ, 2016. – 267 с.

7. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон № 187-ФЗ от 26.07.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 15.10.2021). – Загл.с экрана.

Поступила в редакцию 13.11.2021 г.

WAYS TO SOLVE THE PROBLEMS OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

The article discusses the problems of countering crimes in the field of computer information, as well as effective ways of legislative solutions to these problems. In addition, based on the study of regulatory material regulating the qualification of crimes in the field of computer information in the Donetsk People's Republic, it is proposed to introduce additions and changes to the Criminal Code to counter crime in this area, as well as in the field of crimes using digital financial assets, cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency; digital assets; legislation; criminal liability; digital currency; computer information; copying; blocking; cybercrime; critical information infrastructure; counteraction.

Манивлец Элина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: manel76@mail.ru

Manivlets Elina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DRP, Donetsk
E-mail: manel76@mail.ru

Махортов Сергей Павлович

Студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

Makhorov Sergey

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

УДК 343.121:341.231.14

Семыкин Н. В.
Шленкин А. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье ставятся вопросы в определении полномочий прокурора при осуществлении надзора за соблюдением Законов при проведении предварительного расследования. Проводится анализ действующего Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики и Закона Донецкой Народной Республики на наличие противоречий в отношении прокурорских полномочий.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, надзор, законность, предварительное следствие.

Принятие и внедрение Уголовного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики обусловило изменениями в уголовном судопроизводстве. Введен новый подход к определению статуса и полномочий субъектов уголовного процесса, взаимоотношений между ними, что обусловило внесение изменений в ряд законов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, с целью оптимизации их деятельности в новых условиях.

Законом Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) «О прокуратуре» [2] определены правовые основы организации и деятельности прокуратуры ДНР, статус прокуроров, порядок осуществления прокурорского самоуправления, а также систему прокуратуры ДНР. Надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие согласно п. 3 ч. 2 ст. 1 Закона определена одна из функций прокуратуры.

Однако относительно полномочий прокурора при осуществлении надзора за предварительным следствием, законодатель в статье 31 Закона ДНР «О прокуратуре» сделал ссылку в Уголовный процессуальный кодекс ДНР, определив, что прокурор в этой сфере пользуется правами и исполняет обязанности, предусмотренные УПК. При этом дополнительно акцентировано внимание, что указания прокурора подлежат выполнению в случае предоставления их в пределах полномочий и под ответственность прокурора за издание распоряжений вне его полномочий.

© Семыкин Н. В., Шленкин А. А., 2021

При таких обстоятельствах, правильное определение статуса прокурора, объема его полномочий и формы их реализации при осуществлении надзора, определение границ компетенции и переосмысления роли прокурора в условиях реформирования чрезвычайно важно. Особенно ввиду безусловного требования соблюдения Конституции нашей Республики [1], которой установлено, что органы государственной власти, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренным Конституцией и законами, действующими на территории ДНР. Эта норма Конституции реализует для служащих органов государственной власти, в том числе и прокуроров, принцип: «разрешено только то, что прямо предусмотрено законом».

Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия – это урегулированная нормами права деятельность уполномоченных прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса, направленная на обеспечение законности при осуществлении уголовного преследования.

Прокурор обязан осуществлять постоянный надзор за исполнением законов всеми органами дознания и предварительного следствия, независимо от их ведомственной подчиненности. Для осуществления надзора уголовно-процессуальный закон наделил прокурора особыми полномочиями, в том числе рядом полномочий, принадлежащих только прокурору (например, отмена незаконных и необоснованных постановлений следователя и органа дознания, утверждение обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд). С учетом особой роли прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, предметом прокурорского надзора является законность всей деятельности органов дознания и следователей при расследовании преступлений. Это положение конкретизировано в ст. 30 Закона ДНР «О прокуратуре Донецкой Народной Республики» [3]. В этой статье Закона определено, что предметом надзора является:

- соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о преступлениях;
- соблюдение установленного порядка проведения расследования;
- законность решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия.

При этом понятие «соблюдение установленного порядка проведения расследования» означает, что в предмет прокурорского надзора, без всяких ограничений, входит законность производства всех процессуальных действий следователя и органа дознания. А понятие «законность решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия» включает в себя исполнение требований закона. При принятии органами дознания и

предварительного следствия абсолютно всех процессуальных решений, вне зависимости от того, требуется ли в данном случае получение судебного решения, согласие прокурора, руководителя следственного органа и возможно ли обжалование принятого решения в суде.

Принимая во внимание, что предметом прокурорского надзора является законность всей деятельности органов дознания и предварительного следствия, можно, тем не менее, выделить «ключевые» моменты досудебных стадий уголовного процесса, где предметом прокурорского надзора будет законность важнейших действий и процессуальных решений следователя и дознавателя. К ним могут быть отнесены:

- 1) законность разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, возбуждения и отказа в возбуждении уголовных дел;
- 2) законность привлечения лица в качестве обвиняемого;
- 3) законность задержания подозреваемого и применения к подозреваемому и обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 4) обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса, в том числе потерпевших от преступления;
- 5) исполнение требований закона о соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства;
- 6) законность принятия решения при окончании предварительного следствия [3].

Анализ этих направлений свидетельствует о том, что надзорная деятельность прокуратуры направлена, в первую очередь, на соблюдение прав и свобод человека и гражданина в условиях причастности их к производству по уголовным делам на всех стадиях досудебного производства по ним. Вместе с этим, при осуществлении надзора за соблюдением законов органами предварительного следствия и дознания перед органами прокуратуры поставлена цель, направленная на обеспечение защиты интересов общества и государства в части исполнения требования закона о том, чтобы ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало установленной законом ответственности. Достижение этой цели возможно лишь при строгом соблюдении конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 42 Конституции Донецкой Народной Республики) [1]. Органы дознания и предварительного следствия (органы предварительного расследования) осуществляют свою деятельность, связанную с расследованием преступлений в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, что составляет неотъемлемую часть досудебного производства. Именно на этом этапе производства по уголовным делам, находит свою реализацию надзорная функция прокуратуры за законностью деятельности органов внутренних дел с момента поступления заявления, сообщения о преступлении до

принятия итогового решения, утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта, утверждения постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера или мер воспитательного воздействия, проверки законности решения о прекращении уголовного дела).

Полномочия прокурора на предварительных стадиях уголовного процесса принято рассматривать относительно цели надзорной деятельности, которая определяется Законом ДНР «О прокуратуре» и Уголовно-процессуальным кодексом ДНР.

Соответственно, неверное определение объема полномочий прокурора, выход за пределы компетенции при их реализации может привести к нарушениям предписаний уголовного процессуального законодательства и следствием признания таких действий противоправными, а собранные в ходе расследования производства доказательства – недопустимыми.

Исследованию природы и разграничению полномочий прокуроров при осуществлении надзора за предварительным расследованием посвящали свои труды П. Каркач, И. Козьяков, М. Косюта, И. Марочкин, Г. Среда, А. Толочко и другие ученые, но с принятием Уголовно-процессуального кодекса ДНР и Закона ДНР «О прокуратуре» возникло множество дискуссионных вопросов и появилась настоятельная потребность устранения противоречий, связанных с определением компетенции прокуроров.

В уголовном процессе основные полномочия прокурора определяются в гл. 21 УПК ДНР. Так же права прокурора содержатся в других статьях УПК, что указывает на необходимость тщательного изучения, определения и систематизации полномочий прокурора в уголовном производстве [2].

В действующем УПК полномочия прокуроров зафиксированы с определением их как субъектов в разных формах. Это и процессуальный руководитель, и руководитель органа прокуратуры, и проводивший экстрадиционную проверку прокурор, и как должностное лицо органа прокуратуры высшего уровня. Кроме того, осуществляется ссылка на полномочия органа прокуратуры, действующего в лице своих руководителей.

Полномочия прокурора – процессуального руководителя в уголовном производстве приведены в статьях, регламентирующих принятие процессуальных решений и проведение конкретных следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий, в частности:

- Обеспечивать проведение предварительного расследования в разумные сроки.
- Продлевать срок проведения ОРД, в случаях, когда такое действие производится по его решению.
- Принимать меры по сохранению вещей и документов, полученных при проведении ОРД.

- Сообщать об ограничении конституционных прав граждан, в отношении которых проводились ОРД.

- Соглашать или принимать решение об уничтожении сведений, вещей и документов, полученных в результате проведения ОРД.

- Уведомлять о новом подозрении или изменять ранее уведомленное подозрение в случаях, когда сообщение о подозрении осуществлялось прокурором.

- Возобновлять остановленное предварительное расследование.

- Принимать решение о закрытии уголовного производства по подозреваемому по основаниям, определенным ст.6-9 УПК ДНР и отменять незаконные постановления следователей о закрытии [2].

Полномочия руководителя органа прокуратуры содержатся в разных разделах УПК. Приведу примерный перечень основных полномочий:

- Поручать предварительное расследование другому органу предварительного следствия.

- Упразднить незаконные и необоснованные постановления следователей и подчиненных прокуроров.

- Продлевать сроки предварительного расследования.

- Отменять временный или экстрадиционный арест или меру пресечения по поручению или согласованию с Генеральной прокуратурой

- В рамках полномочий предоставлять обязательные для выполнения указания по вопросам предварительного расследования.

- Осуществлять международное сотрудничество в ходе уголовного производства.

Полномочия прокурора проводящего экстрадиционную проверку:

- Участвовать в судебном разбирательстве жалобы на решение о выдаче лица (экстрадицию), обжаловать решение суда в апелляционном и кассационном порядке.

Полномочия прокурора высшего уровня и должностного лица органа прокуратуры высшего уровня:

- Соглашать ходатайство начальника следственного подразделения или отказывать в его согласовании в случаях отказа прокурора – процессуального руководителя в его согласовании.

- Рассматривать жалобы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего несоблюдение разумных сроков следователем, прокурором в ходе предварительного расследования.

- Предоставлять указания нижестоящему прокурору относительно сроков совершения определенных процессуальных действий или принятия процессуальных решений.

- Рассматривать жалобы следователя на решение, действия или бездействие прокурора и при наличии оснований производить замену прокурора из числа должностных лиц органов прокуратуры того же уровня

в досудебном производстве, где было принято или совершено незаконное решение, действие или бездействие[2].

Такое разнообразие в определении полномочий прокурора, определенным образом усложняет вопрос установления компетенции конкретного прокурора в отдельных случаях.

Некоторые авторы отмечают, что процессуальное руководство прокурора заключается в следующем: организация процесса предварительного расследования; определение направлений расследования; координация процессуальных действий; содействие созданию условий для нормального функционирования следователей; обеспечение соблюдения в процессе расследования требований законов.

Однако столь широкое толкование не дает возможности для однозначного определения, что процессуальное руководство – это деятельность конкретного прокурора в конкретном производстве. Такое понимание вытекает из толкования УПК, согласно которому осуществление полномочий прокурора в конкретном уголовном производстве происходит после назначения его процессуальным руководителем в начатом расследовании.

Так же в отдельном научном изучении требуется проблематика полномочий прокурора при рассмотрении обращений граждан в ходе предварительного расследования.

Следует отметить и полномочия других прокуроров в ходе предварительного расследования ограничиваются двумя случаями:

– Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший имеют право обжаловать прокурору высшего уровня несоблюдение разумных сроков следователем, прокурором.

– Следователь вправе обжаловать в прокуратуру более высокого уровня решения прокуратуры, в которой занимает должность прокурор, действия или бездействие процессуального руководителя.

Обжалование другими субъектами, а также других действий или бездействия прокурора в ходе предварительного расследования не предусмотрено. При этом в ч. 1 ст. 253 УПК прямо определено, что решение должностного лица органа прокуратуры высшего уровня является окончательным и обжалованию не подлежит, а возможность обжалования решений, действий и бездействия прокурора высшего уровня при рассмотрении жалобы на несоблюдение разумных сроков УПК не предусмотрено. Такими полномочиями УПК руководитель и должностные лица прокуратур высшего уровня не наделены [2].

Стоит отметить, что статьей 1 Закона ДНР «Об обращениях граждан» определено, что сфера настоящего Закона не распространяется на порядок рассмотрения заявлений и жалоб граждан, установленных уголовно-процессуальным кодексом, решения, действия и бездействие прокурора при

рассмотрении жалоб на несоблюдение разумных сроков подлежат рассмотрению с соблюдением требований названного закона [4].

С учетом указанных требований можно сделать вывод, что должностные лица органов прокуратуры наделены полномочиями на рассмотрение обращений заявителя, не признанного потерпевшим в производстве, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей только по жалобам на решения, действия и бездействие прокуроров по соблюдению разумных сроков, в порядке определенном Законом ДНР «Об обращениях граждан». В таком случае прокурор не наделен правом на предоставление обязательных для выполнения указаний согласно УПК или отмены процессуальных решений.

Неоднозначна и позиция относительно компетенции прокурора предъявлять подозрение лицу, относительно которого осуществляется особый порядок производства. Определенным лицам подозрение вправе предъявить Генеральный прокурор ДНР.

Закон ДНР «О прокуратуре» разграничений компетенции вышеупомянутых прокуроров относительно вынесения подозрения не содержит, как и гл. 21 УПК ДНР. Вместе с тем существует общая норма, которая предусматривает право на предъявление подозрения только у процессуального руководителя. Права руководителя прокуратуры, не являющегося процессуальным руководителем и не входящего в группу прокуроров, определенные в статье 243 УПК, такого права не предусматривают.

При таких обстоятельствах возникает вопрос, вправе ли руководитель прокуратуры, уполномоченный на вынесение подозрения в отдельной категории лиц, совершать такие действия, не являясь процессуальным руководителем [2].

Аналогично остается дискуссионным вопрос о статусе и полномочиях в уголовном производстве прокурора при принятии решения о внесении ходатайства, о проведении в отношении адвоката следственных действий, которые могут проводиться исключительно с разрешения суда.

Внесение следователем ходатайств о проведении следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий является исключительно компетенцией прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законов в ходе предварительного расследования в форме процессуального руководства. Право руководителя прокуратуры на внесение таких ходатайств не предусмотрено УПК ДНР.

Приведенные противоречия указывают на необходимость систематизации и разграничения полномочий прокуроров процессуальных руководителей и руководителей прокуратуры, должностных лиц вышестоящей прокуратуры путем внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики и Закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре».

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 21.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета ДНР 24 августа 2018 года) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
3. О прокуратуре: Закон Донецкой Народной Республики № 243-ИНС от 31.08.2018 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature/> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Об обращениях граждан: Закон Донецкой Народной Республики № 13-ИНС от 20.02.2015 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-ob-obrashheniyah-grazhdan/> (дата обращения: 26.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 08.11.2021 г.

PROBLEMATIC ISSUES IN DETERMINING THE AUTHORITY OF THE PROSECUTOR IN SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH THE LAW IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article raises the questions of defining the powers of the prosecutor when exercising supervision over the observance of the Laws during the preliminary investigation. The analysis of the current Criminal Procedure Code of the Donetsk People's Republic and the Law of the Donetsk Republic is carried out for the presence of contradictions in relation to prosecutorial powers.

Keywords: prosecutor, prosecutor's powers, supervision, legality, preliminary investigation.

Семыкин Николай Владимирович
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: semikin@donnu.ru

Semykin Nikolay
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: semikin@donnu.ru

Шленкин Андрей Александрович
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sh.andrey.yappi@gmail.com

Shlenkin Andrey
Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sh.andrey.yappi@gmail.com

УДК 343.541.2

Семыкина Л. А.
Бокоч К. Э.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы регламентации ответственности за изнасилование. Раскрыты проблемы законодательной регламентации квалифицированных и особо квалифицированных составов изнасилования. Исследовано наступление беременности после изнасилования как обстоятельство отягчающее уголовную ответственность, а также совершение самоубийства в результате совершения изнасилования. Разработаны рекомендации по внесению изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия, половая свобода, половая неприкосновенность, наступление беременности, самоубийство, беспомощное состояние.

Насильственная преступность представляет собой одну из наиболее опасных форм антисоциального поведения, поэтому борьба с ней занимает традиционно центральное место в деятельности правоохранительных органов.

В свою очередь разного рода насильственные действия с целью утоления своего сексуального влечения, оскорбляют и унижают достоинство женщины, чаще всего связанные с причинением вреда здоровью и нередко с лишением жизни. В отечественном законодательстве уголовная ответственность за преступления против половой свободы и неприкосновенности личности закрепляется в Главе 18 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [1].

Государственная уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности является одним из приоритетных направлений современной отечественной уголовной политики.

Однако, вполне обоснованы выводы, что данный вид преступлений имеет высокий уровень латентности, то есть являются скрытыми по нескольким причинам [2, с. 182]. Одной из таких причин является нежелание потерпевшей разглашать данное преступления из-за возможной мести со

стороны насильника. Порой уголовное дело не возбуждают из-за нехватки доказательной базы, которая имеет свою специфику.

Все это свидетельствует о том, что количество данных преступлений гораздо больше, чем официально зарегистрированных, а статистика является не точной [3, с. 93], что в свою очередь требует более серьезного и детального подхода к законодательному изложению соответствующих норм.

Изнасилование имеет один из наиболее высоких уровней общественной опасности деяний указанной категории. Это преступление несёт существенный вред как физическому, так и психическому здоровью. Вследствие чего признаки (объективные и субъективные) данного преступления необходимо регулярно детально изучать и регламентировать с учётом той обстановки, которая сложилась в настоящее время. Кроме того, важно правильно определить вид наказания за совершение указанного преступления, чтобы цели наказания, предусмотренные законодательством, были достигнуты.

Изнасилованием следует считать половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Изнасилование, которое квалифицируется по ч. 1 и 2 ст. 133 УК ДНР, считается тяжким, а если оно квалифицируется по ч. 3 и 4 ст. 133 УК ДНР – особо тяжким. Общественная опасность этого преступления является очень значительной, что следует из его насильственного характера, а так же возможности причинения тяжкого физического вреда потерпевшей, унижения чести и достоинства личности.

В уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики под изнасилованием понимается только естественный половой акт, при котором виновным является мужчина, а потерпевшей – женщина.

Необходимо уделить внимание объекту изнасилования. Основной объект немного отличается в зависимости от возраста потерпевшей. Если изнасилование произошло в отношении совершеннолетней женщины, то объектом считается половая свобода. Под половой свободой в данном контексте понимают право женщины на самостоятельное принятие решения о вступлении в половое сношение с мужчиной, о выборе полового партнера, форм, без физического или психического принуждения. Если произошло изнасилование малолетней, несовершеннолетней или находившейся в беспомощном состоянии, то объект – половая неприкосновенность.

Изнасилование предполагает использование не только физического, но и психического насилия.

Рассматривая объективную сторону, необходимо отметить, что ч. 1 ст. 133 УК ДНР характеризуется формальным составом и включает в себя, совершение полового сношения и применения физического насилия или

угрозы его применения, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Насилие включает в себя: психическое и физическое насилие.

- Физическое насилие – это такое воздействие на другого человека, которое выражается в причинение вреда его телу (побои, связывание и т.п.), против его воли.

- Психическое же насилие представляет собой воздействие на психику человека (например, угроза немедленно применить физическое насилие).

Рассмотрим подробнее, что следует понимать под угрозой применения насилия. Закон рассматривает угрозу применения насилия, как действия виновного, указывающие на его намерение немедленно применить физическое насилие, и воспринимаемые жертвой, как реальные, не зависимо от намерения лица на самом деле осуществить угрозы, которые могут быть выражены словами, жестами и действиями. Угроза может выражаться в абсолютно любой форме (конкретная или расплывчатая), также может выражаться словесно, с помощью жестикуляции, действий, обстановки.

В том случае, если угроза направлена на действия в будущем, ее не рассматривают как угрозу применения насилия к потерпевшей, поскольку потерпевшая может обратиться за помощью. Угроза повреждения или уничтожения имущества, распространения позорящей потерпевшую информации, а также понуждение женщины к половому акту, в качестве признака объективной стороны не рассматриваются, так как данные действия не связаны с возможным применением физического насилия, а только являются способом оказывать давление на психику потерпевшей с целью склонить к половому акту [4, с. 94].

Отметим, что вступление с женщиной в половой акт посредством введения в заблуждение, ложного обещания жениться, предоставить некоторые услуги или выгоды («сексуальное мошенничество») не образует состава рассматриваемого преступления.

Сложившиеся ранее отношения потерпевшей с преступником или ее предшествующее поведение (нахождение в зарегистрированном или гражданском браке, занятие проституцией, аморальное поведение и т.д.), не имеют значения для уголовного преследования.

О покушении на изнасилование говорят только в том случае, если к потерпевшей было применено насилие или имели место угрозы его применения с целью совершения полового акта вопреки воли женщины, и при этом сам половой акт не состоялся.

Как отмечалось выше, в качестве изнасилования не рассматриваются действия, не предусмотренные законом, например, совершение лицом полового акта с женщиной посредством обмана, однако возможно признание обмана со стороны преступника, как факта изнасилования, в том случае, если данным способом потерпевшая была введена в заблуждение

относительно реальных обстоятельств. Например, женщина была обманута в личности, приняв преступника за его брата-близнеца, с которым она хотела совершить половой акт, и считала, что делает это с ним. Подобный обман может быть приравнен к беспомощному состоянию женщины, так как она была лишена возможности сопротивляться.

Как сопряженное с изнасилованием признается, умышленное причинение вреда здоровью до начала изнасилования или в процессе его совершения (цель: преодоления сопротивления жертвы, а также подавления ее воли), данные обстоятельства применение насилия полностью охватывается комментируемой статьей. Совокупность преступлений образуется, если причинения вреда происходит после совершения указанного деяния [5, с.321].

Когда потерпевшая из-за своей неполноценности (физической или психической) в полной мере не была способна осознавать характер и значение происходящего, исходя из своих возможностей не могла оказать сопротивление, а также при совершении насильственных деяний виновный четко осознавал, что потерпевшая находится на момент посягательства в таком состоянии, изнасилование будет признано совершенным с использованием беспомощного состояния. К психической или физической неполноценности в данном случае относятся:

- слабоумие;
- иное психическое расстройство;
- физические недостатки;
- иное болезненное или бессознательное состояние;
- малолетний или престарелый возраст.

Так же, в качестве беспомощного состояния считается нахождение потерпевшей в состоянии сильного опьянения (алкогольного, наркотического и др.), лишившего ее возможности оказать сопротивление насильнику. При этом не учитывается, каким образом женщина была приведена в такое состояние (самостоятельно или действиями виновного, предложившего употребить спиртные напитки, наркотики, одурманивающие вещества, лекарственные препараты, предоставившего их потерпевшей).

Исключается беспомощное состояние в том случае, если потерпевшая находилась в сознании, осознавала характер происходящих с ней действий, но не оказывала сопротивления, поскольку ее воля была подавлена в следствие применения насилия [6, с. 144].

Часть 2 и 3 статьи 133 предусматривает квалифицирующие виды изнасилования. Пунктами «а», «б» и «в» ч. 2 ст. 133 УК ДНР соответственно: «Изнасилование, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также

совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам; повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием» [7].

Однако в качестве квалифицирующего признака законодателем не предусмотрена ответственность лиц, использующих для его совершения свое служебное положение, что в реалии является довольно распространенным явлением среди данного вида преступлений. При квалификации данного деяния достаточно того, что потерпевшая находится в непосредственной служебной зависимости от субъекта, осуществляющего изнасилование.

Такое положение закреплено в уголовном кодексе Франции, Германии, Польши и в других европейских странах [8, с. 279–280]. Наиболее рациональным выходом из данной ситуации является дополнение статьи ч. 2 ст. 133 УК ДНР пунктом «г» следующего содержания: «лицом с использованием своего служебного положения».

Также возникает необходимость обратить внимание на самоубийство потерпевшей, которое произошло непосредственно после акта изнасилования, так как в силу причинённого вреда относится к иным тяжким последствиям (п. «б» ч. 3 ст. 133 и п. «б» ч. 3 ст. 134 УК ДНР).

Данный способ избежания изнасилования, связан с полученной психологической травмой жертвы во время нежеланного полового сношения. Мысли, которые могут возникнуть у жертвы данного посягательства: «Лучше умереть, нежели со мной еще раз это произойдет». Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод о том, что регулирования самоубийства жертвы изнасилования лишь ст. 133 УК ДНР, недостаточно, а значит, указанное деяние должно быть квалифицировано как доведение до самоубийства путем жестокого обращения с жертвой.

Проанализируем преступление на примере ситуации, когда изнасилование совершается группой лиц: один из преступников, совершил изнасилование жертвы, а после, потерпевшая в целях самозащиты выпрыгивает в окно для того, чтобы избежать повторного изнасилования [9, с. 482].

Возникает закономерный вопрос, как следует квалифицировать указанное преступление? Для того чтобы квалифицировать данное преступление, необходимо руководствоваться не только иными тяжкими последствиями (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК ДНР и п. «б» ч. 3 ст. 134 УК ДНР, но и ст. 111 УК ДНР). Так как в приведенном примере бесспорно произошло доведение до самоубийства, а именно путем жестокого обращение с потерпевшей. Для правильной квалификации указанного деяния, необходимо рассматривать содеянное по совокупности преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 133 УК ДНР и ст. 111 УК ДНР или п. «а» ч. 2 ст. 134 УК ДНР и ст. 111 УК ДНР).

Исходя из вышеизложенного, предлагается внести дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики

«О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» № 10 от 29.04.2016 года.

Пункт 14 указанного постановления изложить в следующей редакции: «Если при изнасиловании или насильственных действий сексуального характера совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой) потерпевшее лицо в целях избежания повторного изнасилования совершило самоубийство, содеянное охватывается диспозицией ст. 133 и/или ст. 134 УК ДНР и требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК ДНР».

Еще одним актуальным вопросом, связанным с последствием изнасилования может являться беременность потерпевшей, а сам акт насилия отражается негативное психологическое влияние, если после него наступает беременность, что еще больше ухудшает её положение.

При сохранении такой беременности, жертва в дальнейшем может быть подвергнута серьезным психологическим расстройствам, тем самым вызывая ненависть к ребенку или вовсе отказаться от него. Без последствий не может осуществиться и процедура аборта, так как наносит колоссальный вред здоровью потерпевшей, а также может в дальнейшем стать причиной бесплодия женщины [3, с. 93].

В связи с чем требует детализация положений статей 133 и 136 УК ДНР, в частности, дополнить их квалифицирующим признаком – наступление беременности, потерпевшей с соответствующим изложением норм.

В заключении отметим, что преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности затрагивают фундаментальные права и свободы человека, влекут как физический, так психический вред потерпевшей, оказывают негативное воздействие на всю последующую жизнь и социальные контакты. Поэтому вполне закономерно, что обозначенные актуальные вопросы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности требуют наиболее эффективного и скорейшего разрешения на законодательном уровне, что позволит в полной мере защитить фундаментальные права и свободы граждан обозначенной категории. Несмотря на относительную логичность и последовательность изложения норм в обозначенной главе уголовного закона, они не в полной мере учитывают текущие реалии, требуют более детальной регламентации, повышения эффективности в свете рассмотрения актуальных вопросов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности.

Указанные предложения и дополнения направлены на совершенствование действующего уголовного законодательства, а также правоприменительной практики Донецкой Народной Республики, в части

квалификации преступлений, связанных с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Список источников

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1 (утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Пономаренко, Е. В. Обоснованность дифференциации уголовной ответственности за изнасилование и иные действия сексуального характера / Е. В. Пономаренко, И. Б. Картоев // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 ноября 2018 г.). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 182–184.
3. Озерная, А. А. Наступление беременности, потерпевшей после изнасилования или полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, как обстоятельства отягощающие уголовную ответственность / А. А. Озерная, Т. С. Агафонова // Молодежь и XXI век: Материалы 10-й Международной молодежной научной конференции (Курск, 19-20 февраля 2020). – Курск: Юго-западный государственный ун-т., 2020. – С. 91–94.
4. Антонов, Ю. И., Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова; под ред. А. В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. – 735 с.
5. Журавлев, М. П. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / М. П. Журавлев, А. В. Наумов [и др.]; отв. ред. А. В. Наумов, – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 499 с.
6. Давтян, Д. В. Некоторые вопросы к понятию беспомощного состояния / Д. В. Давтян / Вестник Волгоградского государственного университета. Научно-теоретический журнал. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – № 8. – С. 143–146.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2016 года № 10 «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://supcourt-dnr.su/pplenum> (дата обращения: 19.05.2021). – Загл. с экрана.
8. Показнева, А. В. Право на половую свободу и половую неприкосновенности личности: спорные вопросы уголовно-правовой защиты / А. В. Показнева // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием посвященной Дню юриста (Курган, 1 декабря 2017 г.). – Курган: Курганский гос. ун-т., 2018. – С. 278–281.
9. Полиди, А. А. Актуальные проблемы регламентации ответственности за изнасилование и пути их решения / А. А. Полиди // Science Time. – 2016. – № 2(26). – С. 479–484.

Поступила в редакцию 02.06.2021 г.

TOPICAL ISSUES REGULATION OF LIABILITY FOR RAPE

This article discusses topical issues of regulation of liability for rape. The problems of legislative regulation of qualified and especially qualified rape gangs have been disclosed. Investigated the onset of pregnancy after rape as a circumstance aggravating criminal responsibility, as well as committing suicide as a result of rape. Recommendations for amendments and additions to the current criminal legislation of the Donetsk People's Republic have been developed.

Keywords: rape, violent acts, sexual freedom, sexual inviolability, pregnancy, suicide, helpless state.

Семыкина Людмила Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: semikina@donnu.ru

Semykina Lyudmila

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: semikina@donnu.ru

Бокоч Карина Эдуардовна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: karina.bokoch19@gmail.com

Bokoch Karina

Law Student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: karina.bokoch19@gmail.com

УДК 343.326

Тимошенко Н. А.
Бибикова А. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСЛОВИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Проанализированы объективные и субъективные детерминанты, влияющие на возникновение и деятельность организованных террористических объединений. Объективные детерминанты являются причиной объединения отдельных индивидов в такие организации. Субъективные детерминанты способствуют членству личности в террористическом объединении.

Ключевые слова: терроризм; террористический акт; организованные террористические объединения; организованная преступность.

Современный терроризм следует рассматривать как организованный вид преступности. Сейчас эра террористов-одиночек проходит. Террористическая деятельность становится хорошо организованной (спланированной, надлежаще материально обеспеченной и т.п.). Подготовить и совершить террористический акт без приобретения оружия, взрывчатки или других орудий невозможно. А теневой рынок таких предметов контролирует организованная преступность. Следовательно, организованные принципы просматриваются не только в терроризме, но и в ряде связанных с ним преступлений. «Вокруг» терроризма сосредотачиваются (группируются) различные преступления. Как отмечает проф. В. Лунеев, толкование организованной преступности еще менее четкое, чем экономической преступности.

Основу для выделения организованной преступности из системы преступности в целом составляют характер и степень организованного взаимодействия группы преступников между собой при осуществлении пролонгированной уголовной деятельности [5, с. 16]. Это особая группа, определенная форма соучастия. Итак, понятием «организованная преступность» охватывают соответствующие виды совместной преступной деятельности, характерные для криминальной экономики, преступного бизнеса, коррупции и т.д.

Взаимосвязь организованной преступности и терроризма нельзя игнорировать. С увеличением финансового и материального потенциала

руководителей организованной преступности в ее активной части объективно появляется стремление к тому, чтобы влиять на власть и правоохранительные органы. Основное отличие террористической деятельности и других форм организованной преступности – в их целях. Если террористические группировки торгуют наркотиками или оружием, то с целью своего финансового обеспечения для выполнения политической цели. В то же время другие организованные преступные группировки совершают это ради личного обогащения.

Эксперты ООН отмечают еще один фактор слияния организованной преступности с террористическими организациями – их технологический интерес. Угон ядерных материалов и возможность их использования в целях шантажа стирают границы между такими преступлениями, как вымогательство и политический терроризм.

Преступные организации совершают похищение ядерных, радиоактивных и подобных материалов и продают их террористам или используют их для устрашения представителей властных структур, конкурентов, общества.

Указывая на взаимосвязь с терроризмом таких преступлений, как похищение человека, захват заложника, убийство, вымогательство, разбой и бандитизм, специалисты связывают их с организованной преступностью и подчеркивают, что криминальные группировки стремятся взаимодействовать не только друг с другом, но и с террористическими организациями относительно незаконного обращения оружия, наркотиков, финансовой сферы и т.д. Обобщая имеющийся опыт, эти специалисты указывают на реальное существование террористической преступности как отдельного вида организованной преступности.

Феномен организованной преступности касается обычно не только терроризма и коррупции, но и становления преступного формирования, его существования на протяжении длительного времени и соответствующей уголовной деятельности в той или иной сфере.

Отличительной чертой организованной преступности становится ее политизация, ведь это процесс обращения, перетекания преступного капитала из теневой (уголовной) сферы в легальную. Этому способствуют налаженные коррупционные связи, задействованные значительные политические факторы с участием террористических группировок. В организованной преступности, связанной с коррупцией и терроризмом, всегда просматривается политический оттенок. Преступность – явление достаточно политизированное. «Преступность, что политизируется, – уголовный феномен, чрезвычайно тесно связанный со сферой государственного управления. Политическая преступность многоплановая. В узком смысле этим понятием охватываются преступления, совершаемые

по политическим мотивам, в широком – все преступления, совершаемые в политической сфере, в области государственного и социального управления» [5, с. 10].

Учитывая определенное «сближение» организованной преступности и терроризма, не исключено превращение одной формы преступной организации в другую. Часто террористические группы (организации) и организованные преступные группы перенимают близкие по значению, содержанию преступные действия, как захват заложников, похищение людей и т.д. Наметилась тенденция к преступному «пониманию», определенному преступному интеграционному сотрудничеству организованных преступных группировок и террористических групп (организаций). Довольно часто они подписывают своеобразный договор о совместных действиях. Совершенные в пределах организованной преступности террористические деяния, направленные на защиту их господствующего положения. Допуская в пределах терроризма преступления, совершаемые организованной группой, террористические организации укрепляют свое положение, силу своего влияния.

Следовательно, организованная преступность и терроризм являются взаимодействующими социальными явлениями. Кроме того, они сходны по структуре организованных и террористических групп, соответственно преступных и террористических организаций. Так, некоторые ученые отмечают, что «террористическим организациям присущи почти все признаки, характерные для организованных преступных группировок – наличие лидера, четкое распределение функций, конспирация, соблюдение неформальных норм поведения, наличие денежного фонда поддержки» [5, с. 136].

С таким мнением частично согласен Н. В. Семькин, который считает, что «террористическая группа характеризуется теми же признаками, что и организованная группа, но при этом охватывает и дополнительные признаки, обусловленные особенностью террористической деятельности» [10, с. 114].

Согласно положениям ст. 34 УК ДНР [6], одним из важнейших отличительных признаков организованной группы и преступной организации от других форм соучастия, одновременно являющегося количественным показателем их устойчивости, выступает предварительная организованность трех и более лиц (преступная организация пяти и более лиц) с целью совершения преступлений, что предполагает необходимость многоактной подготовки. Именно такая сложная подготовка предшествует преступной деятельности террористических групп и организаций, что обусловлено в определенной степени многообъектностью совершаемых ими преступлений. С этим мнением согласны такие исследователи, как В. Ф. Антипенко [2], В. П. Емельянов [4], В. А. Липкан [7], разрабатывающие проблемы уголовно-

правового определения терроризма. Они постоянно подчеркивают, что преступления террористической направленности – многообъектные, отличающиеся сложностью объективно-субъективных признаков. Это свидетельствует о том, что такие преступные формирования как террористическая группа и организация являются разновидностью организованной преступности.

В таком контексте необходимо также отметить, что в основу выделения организованной преступности из системы преступности в целом положен характер и степень организованного взаимодействия группы преступников между собой в осуществлении своей пролонгированной криминальной деятельности [1, с. 342]. Это особая группа, определяемая форма соучастия (организатор, исполнитель, подстрекатель, пособник). Итак, понятием «организованная преступность» охватываются соответствующие виды совместной преступной деятельности, характерны как для криминальной экономики, преступного бизнеса, коррупции, бандитизма, других преступлений, так и для терроризма. Безусловно, в каждом случае есть определенная специфика.

В то же время необходимо отметить, что деяния, связанные с созданием террористической группы или террористической организации, руководством такой организацией, участием в террористической организации, материальным, организационным или иным содействием в создании или деятельности террористической группы или террористической организации, по содержанию совпадают с аналогичными действиями относительно преступных организаций и организованных групп, предусмотренных ст. 34 и 239 УК ДНР [6]. Изложенное еще раз подтверждает вывод о том, что создание и деятельность террористической группы или организации следует рассматривать как разновидность организованной преступности.

Для организованной террористической преступности характерно наличие объединения лиц для совершения именно террористических преступлений, устойчивость группы (организации), налаженная система связей участников террористических формирований, распределение между ними ролей и т.п. Их главное отличие от организованных преступных групп и организаций – это то, чему подчинена и на что направлена осуществляемая ими преступная деятельность. Так, за совершение преступной деятельности организованными группами и организациями – это приобретение, накопление, увеличение уголовных доходов, установление контроля над властными структурами с использованием значительного, нажитого преступным путем, капитала, налаживания и развития коррумпированных связей. Террористические же формирования имеют такие основные цели, как указанные в ст. 229 УК ДНР [6], связанные с влиянием на принятие решений органами государственной власти, юридическими лицами,

провокации вооруженного конфликта, ухудшение международных отношений и т.п.

При анализе вопросов, связанных с деятельностью террористических групп и организаций, необходимо рассмотреть признаки, по которым они отличаются. М. И. Мельников и М. И. Хавронюков отмечают, что разница между террористической группой и террористической организацией заключается в том, что террористическая группа создается для совершения конкретного террористического акта или нескольких таких актов, а террористическая организация должна действовать неопределенное время, заниматься террористическим действием, достижение определенной цели. То есть террористическая группа является в определенной степени временным формированием, создаваемым для выполнения определенных задач. Отметим, что в УК ДНР не сформулировано определение террористических групп и организаций, присущих им признаков, также по его содержанию непонятно, в чем состоят различия между ними. Это является значительным упущением и усложняет квалификацию преступлений, совершенных указанными террористическими формированиями.

Террористическая группа или организация, которые имеют своей задачей совершение таких преступлений, должны характеризоваться такими качественными показателями, как объединённость, единым планом, согласованность действий и распределение функций между ее участниками.

Следует также иметь в виду, что террористическая группа или организация могут быть собственно террористическими или смешанными (террористическими и общеуголовными). Иными словами, во втором случае террористическая группа (организация) может быть направлена на совершение не только террористических, но и других преступлений, направленных против личности, собственности и т.п. Если же первоначально группа (организация) создается для совершения преступлений террористической направленности (в целях осуществления террористической деятельности) или выбирает себе эту цель как основную на более поздних этапах своего существования, она исключительно террористическая.[11, с. 153].

Некоторые ученые считают, что распределение групп (организаций) на организованные и террористические иногда условно. Следует учесть, что преступная группа или преступная общеуголовная организация не перерастет в террористическую, и наоборот; а также то, что террористическая группа, кроме актов терроризма, будет совершать другие преступления. Часто террористы нанимают для совершения актов терроризма лиц, уже входящих в любую преступную группу или организацию. Такие договоренности могут быть достигнуты как с руководителями, так и с рядовыми исполнителями

лиц, совершающих преступления общеуголовной направленности в группах [17, с. 96].

Следует отметить, что еще один общий признак, присущий как организованным преступным группам (организациям), так и террористическим формированиям, – их сходство по качественному составу. Так, члены организованных и террористических формирований, как правило, профессионалы, то есть люди, основным доходом которых являются средства, получаемые от осуществления своей преступной деятельности в течение длительного времени. Они совершенно владеют навыками и техникой совершения преступлений, даже сложными специальными приемами, авторитетны в преступном мире.

Для того чтобы оградить себя от мер уголовного преследования, руководство организации отстраняется от преступных действий по выполнению запланированных операций, избегают каких-либо прямых контактов с рядовыми членами своей преступной группы [8, с. 83].

Как видно, снова, как и в отношении терроризма, очерченные детерминанты носят общий характер, поэтому вряд ли их перечень можно считать исчерпывающим и т.п. Указанное свидетельствует о сходстве механизма детерминации организованной преступности и деятельности организованных террористических объединений. Поэтому связь терроризма и организованной преступности бесспорна, а их «подражание» и «сращивание» и является, основным особым детерминантом возникновения и деятельности террористических объединений.

Следовательно, можно сделать вывод, изложенное в определенной степени подтверждает мнение о том, что террористические группы и организации являются разновидностью форм организованной преступности, что обусловлено сходством структуры и организации, механизмом функционирования террористических и организованных преступных формирований. Как основное отличие террористических групп и организаций от других форм организованной преступности следует выделить цели и мотивы их создания и совершения преступной деятельности. Констатируется, что субъективные характеристики террористов, а затем и субъективные детерминанты террористической деятельности, настолько разнообразны, что без информации о противоправной деятельности распознать таких лиц практически невозможно, как и устранить указанные детерминанты.

Аргументировано, что возникновение и деятельность террористических объединений в первую очередь детерминируется теми же факторами, что и отдельное террористическое преступление. В то же время, деятельность террористических объединений наделена всеми признаками организованной преступной деятельности, наблюдается тенденция к их слиянию с

организованными преступными группировками. Следовательно, для возникновения и деятельности террористического объединения, как правило, характерны те же детерминанты, что и для организованной преступности в целом.

Список литературы

1. Антипенко, В. Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости: монография / В. Ф. Антипенко; Институт оперативной деятельности и государственной безопасности. – М., 2007. – 440 с.
2. Антонян, Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
3. Гавриш, С. Ответственность за организацию террористической группы или террористической организации: отдельные проблемы / С. Гавриш, В. Емельянов. – 2000. – № 10. – С. 41–43.
4. Емельянов, В. П. Преступления террористической направленности / В. П. Емельянов; Научно-исследовательский институт изучения проблем преступности. – Харьков: Рубикон, 1997. – 160 с.
5. Канарев, В. А. Организованные преступные формирования: вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / В. А. анарев. – Москва, 2002. – 20 с.
6. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: Закон от 19.04.2014 года Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
7. Липкан, В. А. Терроризм и национальная безопасность / В. А. Липкан. – К.: Знания, 2002. – 184 с.
8. Липкан, В. А. Борьба с терроризмом / В. А. Липкан, Д. Й. Никифорчук, М. М. Руденко. – К.: Знания, 2002. – 254 с.
9. Лунеев, В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ / В. В. Лунеев. – М., 1997. – 285 с.
10. Семькин, Н. В. Организация террористической группы или террористической организации: криминально-правовое исследование: монография / Н. В. Семькин; под общ. ред. В. П. Емельянова; Министерство внутренних дел, Министерство образования и науки, Донец. нац. ун-т. – Х.: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2003. – 145 с.
11. Солодовников, С. А. Терроризм и организованная преступность: монография / С. А. Солодовников. – М.: Закон и право, 2008. – 176 с.

Поступила в редакцию 08.11.2021 г.

CURRENT PROBLEMS OF THE CONDITIONS OF ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF ORGANIZED TERRORIST ASSOCIATIONS

The objective and subjective determinants influencing the emergence and activity of organized terrorist associations are analyzed. Objective determinants are the reason for the

association of individuals in such organizations. Subjective determinants contribute to a person's membership in a terrorist association.

Keywords: terrorism; terrorist act; organized terrorist associations; organized crime.

Тимошенко Нина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: nina.timoshenko@donnu.ru

Timoshenko Nina

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk national University
DPR, Donetsk
E-mail: nina.timoshenko@donnu.ru

Бибикова Анастасия Александровна

Студентка юридического факультета ГОУ
ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: nice.bibikova@mail.ru

Bibikova Anastasia

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: nice.bibikova@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подписуемые подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

 – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

 – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

 – Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные

результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2021. – № 4

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 05.12.2021 г.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 13,72.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.